

РУССКАЯ ЖЕНА УБИЙЦЫ ПРЕЗИДЕНТА

ОЛЬГА
ГОЛУБЦОВА

МОЛотовск – ДАЛПАС

В. М. ...

Ольга Голубцова

МОЛОТОВСК — ДАЛЛАС

РУССКАЯ ЖЕНА
«УБИЙЦЫ ПРЕЗИДЕНТА»

Северодвинск

1993

Издание осуществлено за счет ТОО «АДЛЕР»
(г. Северодвинск).

О. В. Голубцова. «Русская жена убийцы президента. Моло-
товск — Даллас».

Редактор **Н. Н. Кочуров.**

© О. В. Голубцова, 1993 г.

© З. М. Далеко (оформление)

Марина Освальд-Портер. 1992 год.

Корреспондент газеты «Известия» Сергей Мостовщиков.

К читателям.

Темой этой книги стала жизнь Марины Прусаковой — вдовы Ли Харви Освальда, официально признанного убийцей президента США Джона Кеннеди.

Марина Прусакова-Освальд родилась в городе Молотовске (ныне Северодвинске). Как она оказалась в США? Как сложилась ее жизнь после гибели Освальда? Что связывает ее с покинутой родиной?

Автор, сотрудница северодвинской газеты «Северный рабочий», Ольга Голубцова стремится дать ответ на эти вопросы.

ГЛАВА I

ДОМ НА БЕЛОМОРСКОМ

— Кто такой Ли Харви Освальд, помнишь?

— Допустим, помню.

— Тогда смотри... — и журналист Владимир Аристов положил на стол свежий номер «Известий», развернутый на последней странице.

Публикация, которую показывал коллега, была мне знакома. Целую неделю «Известия» печатали с продолжением статьи Сергея Мостовщикова «Дело агентурной разработки № 31451» об Освальде, которого считают убийцей президента США Джона Кеннеди. Мне известно, что Освальд одно время жил в Советском Союзе, но к нам-то с Володией Аристовым какое это имеет отношение?

— А видишь на фотографии: Освальд и его жена Марина Прусакова. Так вот, Марина родилась в Северодвинске! Усекла? Могу тему подарить.

Разговор в редакции нашей газеты «Северный рабочий» происходил в пятницу вечером. Вернувшись домой, перебираю в памяти то, что мне известно об убийстве Джона Кеннеди, хоть и прошло с тех пор чуть не тридцать лет, но пресса эту тему не забыла. Значит, так: в 1963 году Кеннеди приехал в Даллас, штат Техас, его везут по городу, и в это время раздаются три выстрела. Президент смертельно ранен. В число подозреваемых сразу попал молодой человек, некий Освальд. При попытке задержания он убивает полицейского. Освальд арестован. Но в момент отправки в тюрьму его убивает подозрительная личность Джек Руби — то ли в отместку за президента, то ли чтобы спрятать концы. Дело расследует комиссия председателя Верховного суда Уоррена и решает,

что Освальд был единственным убийцей. Потом это решение ставят под сомнение: был заговор. Тем более что в шестьдесят восьмом убит Роберт Кеннеди, брат Джона и почти сто-процентный кандидат в президенты США.

Ничего себе история! Мне, естественно, и в голову не приходило сказать в ней свое слово. Но раз женой Освальда была наша землячка... Много ли вышло из Северодвинска людей, причастных к важнейшим событиям мировой истории? А тут, раскрыв газету, читаю черным по белому: «...31 апреля 1961 года в отделе загс Ленинского района Минска актовой записью № 416 зарегистрирован брачный союз гражданки Прусаковой Марины Николаевны, русской, 1941 года рождения, уроженки города Молотовска Архангельской области, и гражданина США Ли Харви Освальда, 1939 года рождения, уроженца города Новый Орлеан».

Молотовском до 1957 года назывался Северодвинск, напоминаю это иногороднему читателю. Иных упоминаний нашего города в статье не было, но фамилия плюс год рождения интересующего меня человека — это уже кое-что, и поэтому наутро к открытию городского загса (благо он работает по субботам) я уже была там.

Заведующая Наталья Львовна Беляева поняла меня с полуслова. Через пять минут мы уже листаем пожелтевшую книгу регистрации новорожденных за 1941 год. Другая, третья страница... Вот оно! 14 августа сделана запись о том, что Прусакова Марина Николаевна родилась в Молотовске 17 июля 1941 года. Мать — Прусакова Клавдия Васильевна, старший лаборант госпиталя. Данных об отце нет. Адрес: проспект Беломорский, 21/16, кв. 8.

Меня так и подмывает броситься на Беломорский, постучать в дверь этой квартиры. Но, может быть, нумерация домов за полвека уже не раз менялась? Звоню северодвинскому старожилу и краеведу, почетному гражданину города Лидии Ивановне Черняевой, и она сразу выдает информацию:

— Дом 21/16? Знаю этот дом. Это же рядом с военкоматом, бывшим Домом Советов. Одно из старейших зданий города. Да ведь там и сейчас живет вдова Кулижникова, первого председателя Совета, даже еще не Молотовского городского, а поселка Судострой. Может, она и расскажет вам о Прусаковых?

Деревянный дом на углу Беломорского и улицы Советской выглядит совсем заброшенным. В подъездах выбиты

трупы доверенных лиц...
...Марии Николаевны, то
...Александра Освальда было
...на русский? Нет, не
...он приехал в СССР,
...заранее доставленную по
...и цель просто помочь
...некоторое время и подде-
...в кафе, перерыв, получающую
...сдачу, чтобы в конечном
...не скомпрометировать Со-
...ский Союз после генерально-
...дупного и осуществленного
...ами ФБР и ЦРУ убийства
...ида?

Испытывая сейчас силь-
...не, активно обсуждается в
...и, и многие склонны расцени-
...ее как наиболее правдо-
...подобную. История, вероятно,
...судит, кто прав, а кто оши-
...лся. Факты же говорят о
...двух.

Идеи, знакомые с советским
...не Освальд, боится, что
...она Прасковья не работала
...КГБ. Странности с ее отче-
...и не так много серьезных за-
...и. По сути она, действи-
...но, Николаевна. Но до мать
...после рождения сына это
...раз имела доступ за чело-
...и по имени Александр Мед-
...и, Вадим, известно Алек-
...иной не только когда из-
...ица — просто в результа-
...и успеха.

Имя Марины помаленьку ста-
...валось известно. Мать ее
...и, почти женился на дру-
...женке, и она в это време-
...и совершенно чужой. Тогда
...и в Минск, где жи-
...и родственники — дядя ее
...и, Мария Николаевна
...и жена Валентина Туркина
...и. Значит, она устраи-
...и работу в школу.

Идеи не понимали ее со-
...и, как-то странно.

Имя Марины появилось в Мин-
...и в 1961 году на
...и в Давосе, конференция
...и в 1961 году в
...и. После этого конфе-
...и в 1961 году — при-
...и.

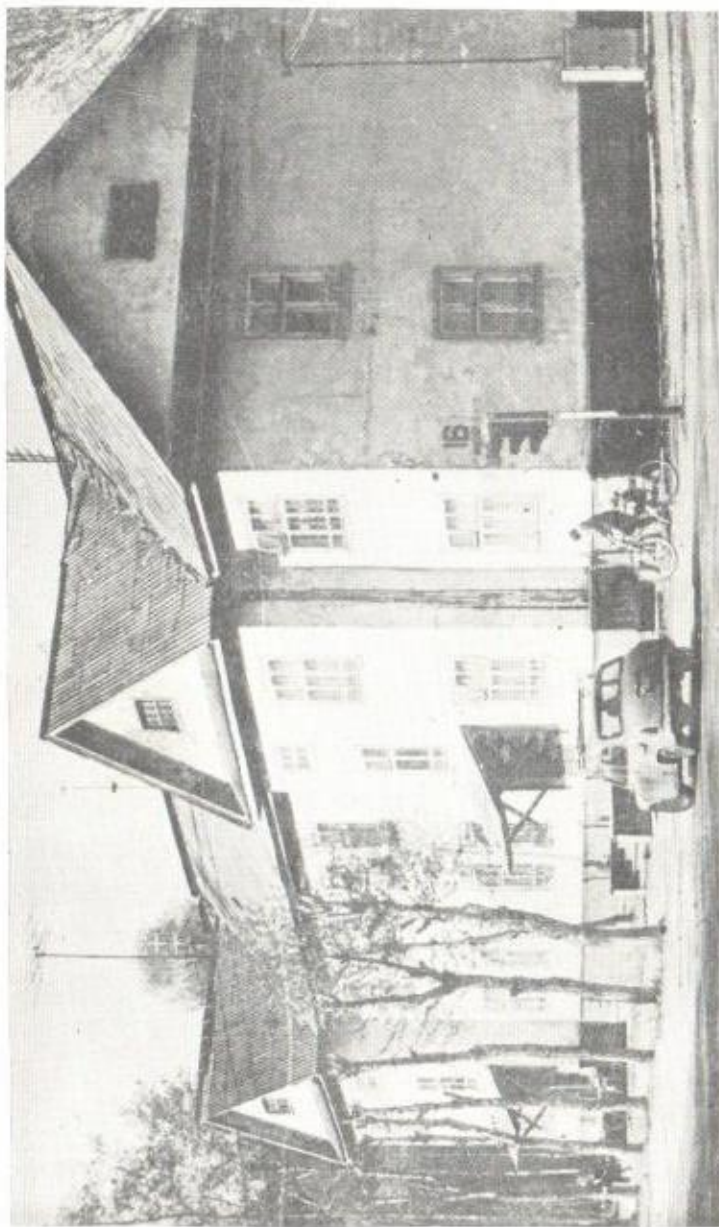
Имя Марины появилось в Мин-
...и в 1961 году на

ДЕЛО агентурной разработки № 31451

Какая информация содержится
в досье КГБ на человека, признанного
убийцей президента США Джона Кеннеди?

Марина и Ли Харви Освальд покидают Минск в 1962 году. Фоторепродукция из газеты «Известия» за 13 августа 1992 года.

Дом на пр. Беломорском.

стекла, обшарпаны лестницы... Но он знал и лучшие времена.

— Это сейчас мы живем в коммуналках, а когда-то тут были отдельные квартиры. Здесь у нас — трехкомнатная. Говорят, они принадлежали городским руководителям, — рассказывает открывая нам дверь в квартиру № 8 Надежда Николаевна Лобанова.

Она проживает в доме уже 17 лет, но о Прусаковых ничего не знает. Вдова же первого председателя Совета Манефа Сергеевича Кулижникова действительно жила в соседней квартире с довоенных времен, но скончалась в 1988 году. Внучка ее получила квартиру в новом микрорайоне и с Беломорского выехала...

Выхожу из запущенного подъезда с чувством, что первая попытка была неудачной, узнать о Марине Освальд с налета, практически, ничего не удалось.

Над городом нависли тучи. Накрапывает августовский дождь, проносятся машины. А я представляю, каким был Беломорский проспект и весь Молотовск в сорок первом. Улицы из деревянных домов. Деревянные тротуары. Поодаль — цехи судостроительного завода, колючая проволока, вышки с часовыми, лагерные бараки. Такова уж судьба нашего города: крупнейший не только в России, но и в мире центр атомного судостроения вырос на костях заключенных Ягринлага — так назывался местный филиал главного управления лагерей НКВД. Откуда только не гнали их сюда в тридцатые, сороковые годы. И сами первостроители, во всяком случае, руководители стройки пошли в лагеря и тюрьмы, будучи объявленными врагами народа...

Скорее всего, имели отношение к лагерю и родители Марины Прусаковой. Вернее, мать — отец-то неизвестен. Может быть, он был заключенным? Но почему это мать, родившая ребенка вне брака, жила в доме для городского руководства, в отдельной трехкомнатной квартире, которые тогда были великой редкостью? Прислужой была, что ли, у кого-то из начальства?

В общем, поиск начинается с загадки. И это, наверное, нормально для журналистского расследования.

ГЛАВА II

ИЗ АРХИВОВ ЯГРИНЛАГА

В ближайшем номере «Северного рабочего» публикую заметку «Марина Прусакова: загадка № 1». Прошу откликнуться всех, кто знал Клавдию Васильевну Прусакову и ее дочь. А сама опять звоню Лидии Ивановне Черняевой: «В каком госпитале могла работать лаборанткой Клавдия Васильевна?» Лидия Ивановна (ну и память у нее) тут же вспомнила:

— В сорок первом году в молотовском городском госпитале не имелось лаборатории. Правда, была лаборант, но ее звали Берта Вурзель. Прусакова, наверное, работала в госпитале для заключенных Ягринлага.

Где искать следы гулаговских документов? Лучший специалист по этим вопросам в Северодвинске — это заместитель директора городского краеведческого музея Валентина Ивановна Стурова. Она уже несколько лет занимается историей Ягринлага и знает, с какого конца взяться за дело. По ее совету обращаюсь в Архангельск, в архивный отдел информационного центра областного управления внутренних дел, где есть картотека всех работников лагерей. И старший архивист Алла Ивановна Маторина незамедлительно дала справку: «Прусакова К. В. работала в госпитале санотдела Ягринлага с 18.01. 1940 г. по 12.10. 1941 г.»

Получить документальное свидетельство того, что наше предположение относительно Мариной матери оправдалось, было приятно. Ну, а дальше что? Куда потом делась Клавдия Васильевна? И почему все-таки она была обитательницей привилегированного жилья? Ответом из архива свет из этих тайн не был пролит.

Тайна, конечно, сугубо мелкая, частная, касается одного человека. Такие ли тайны прятали в нашей стране! Вычеркивались из истории крупнейшие события, имена руководителей государства, замечались следы величайших преступлений. Вспоминаю рассказ одного старшего коллеги-журналиста:

— Середина семидесятых, самый пик застоя. А я сдаю на журфаке историю КПСС. Отбарабанил то, что положено насчет левого уклона, и пошел в газетное хранилище докопаться до истины — каких таких дел натворили Зиновьев и Каменев, что с ними десять лет боролись всей страной, пока не кокнули. Читаю по диалогам стенограммы четырнадцатого, пятнадцатого съездов, материалы газетных дискуссий, и вдруг как обожгло: да они, в сущности, ничем не отличались от своих последователей сталинской «генеральной линии». Все дело в том, что Сталину перечили, вот и полетели со своих постов, а потом пошли под расстрел. В следующий семестр проходим Великую Отечественную войну. Опять читаю подшивки: советско-германский пакт, война в Польше, присоединение Прибалтики. И снова ожог мысли: был, не мог не быть сговор между Сталиным и Гитлером. Так вот и доходили своим умом до общеизвестных фактов. Уже потом, в годы перестройки, стали читать богатейшую литературу по всем этим вопросам...

Для меня таким «ожогом» несколько лет назад было известие о том, что убийца президента Кеннеди приехал в Америку из Советского Союза да еще с русской женой. В дискуссии на политические темы, без которых в последнее время не обходились дружеские компании, просветил на этот счет один эрудированный собеседник.

Каждый раз, когда всплывает такой секрет полишинеля, чувствуешь себя будто оплеванным нашей пропагандой. Надо же: сколько лет твердили об американских политических нравах, нефтяных магнатах Техаса, использовавших мафию применительно к тайнам убийства братьев Кеннеди, а на деле сами пригревали убийцу! Да еще скрывали это от нас!

Впрочем, сейчас времена меняются. И появление статьи Мостовщикова — лучшее тому доказательство. Да и северодвинские журналисты уже немало сделали, чтобы раскрыть белые пятна в истории своего города. Надо работать над темой, надо!

И тут кстати пришелся телефонный звонок.

— Это Соколов Борис Николаевич. Вы ищете Марину Прусакову? Кажется, могу помочь. Расскажу кое-что про ее отца.

Вот как! Даже отец Марины нашелся! После работы спешу к Борису Николаевичу. В маленькой холостяцкой квартире на улице Плюсинна встречается пожилой, но крепкий человек. Соколов по профессии инженер-строитель, причем потомственный. Отец, один из первостроителей Молотовска, водил его в довоенные годы девяти-десятилетним мальчишкой к Прусаковым. Соколовы жили в соседнем доме на Беломорском, 19.

— Тетю Клаву помню отлично и Марину — она только что родилась. А Илья Васильевич был строителем, служил в Ягринлаге.

С волнением смотрю на потрепанное фото. Волевой офицер в форме, похоже, строительных войск. На обороте надпись: «На добрую долгую память. Может быть, когда-нибудь вспомнишь о совместном пребывании на далеком Севере в городе юности. С приветом Илья».

Илья? Почему же Илья? Ведь отчество у Марины по данным загса и статьи в «Известиях» — Николаевна.

— Тетя Клава и дядя Илья. Ошибки нет, — утверждает Борис Николаевич.

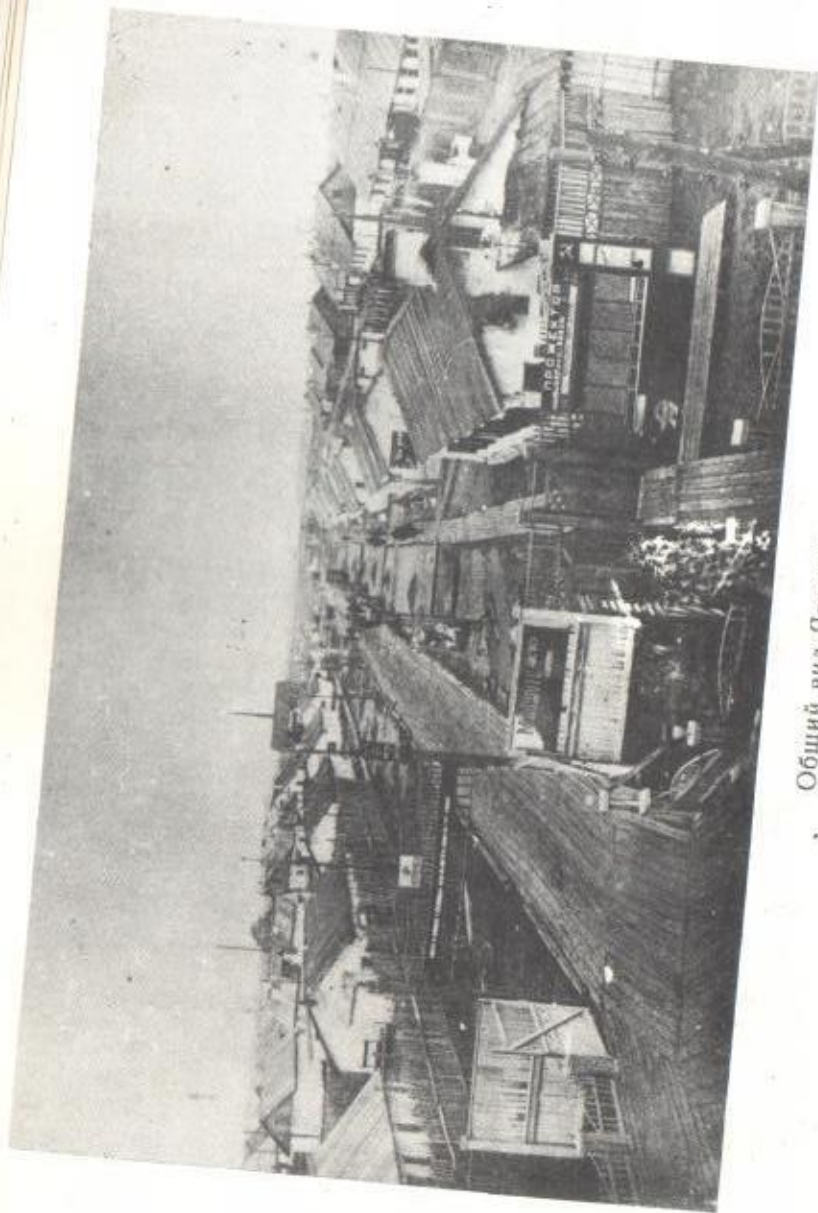
Откланявшись, выхожу. А на лестнице меня осенило: ведь в «Известиях» говорилось, что в Минске, где Марина вышла замуж за Освальда, жила у дяди с теткой. Бегу домой, раскрываю газету: точно! Дядя по линии матери Илья Васильевич и жена его Валентина Гурьевна Прусаковы.

Сам бог велел снова обратиться в архив УВД. И получаю подтверждение: «Прусаков И. В. работал в Ягринлаге с 15.09.1938 г. по 2.03.1951 г. (кроме 1941—1947 годов, когда учился в Тбилисском артиллерийском училище, воевал на фронте и два года после войны служил в армии). В 1951 году откомандирован в Минск».

Что ж, уложу в копилку журналистского расследования еще один факт. На сей раз факт, косвенно связанный уже с жизнью самого Освальда. Минский след, понятно, интересен, но где же след северодвинский? Если в сорок первом Клавдия Васильевна с новорожденной дочерью жила в молотовской квартире брата, это ведь не означает, что через десять лет она последовала за ним в столицу Белоруссии. А как объяснить ее увольнение из госпиталя Ягринлага? Может быть, она

Илья Васильевич Прусаков, дядя Марины, во время службы в Молотовске (фото из архива Б. Н. Соколова).

Общий вид Ягринлага.

покинула Молотовск в год начала войны? Нет, мы еще по-
нимем дома — в Северодвинске, в Архангельске.

Мне пришлось затем постучаться в двери многих кабин-
етов. Не стану подробно описывать хождение по областным
ведомствам. Но уже в конце августа у меня на руках был ад-
рес троюродной сестры Марины Прусаковой — жительницы
Архангельска Марины Геннадьевны Точениковой — и справка
о смерти Клавдии Васильевны Прусаковой (в прошлом ла-
борантки и буфетчицы столовой), последовавшей в Северо-
двинске в 1986 году.

ГЛАВА III. ИХ БЫЛО ДВОЕ

Значит, мать Марины Освальд жила в Северодвинске, здесь и умерла, причем недавно — в перестроечные годы. Как же это мы, журналисты, такого человека не знали, такую тайну прохлопали?!

Еще раз изучаю собранные документы. Есть разночтения: в справке архива УВД указан год рождения Клавдии Васильевны — 1917-й, в справке загса — 1922-й. Но мало ли что бывало в те годы. Порой люди сознательно меняли дату рождения.

А пока по вечерам начинаю искать людей, знавших мать Марины. Ее последний адрес мне известен: улица Карла Маркса, 18. Но люди, которые живут в бывшей квартире Клавдии Васильевны, ничего о ней не знают. Сразу после смерти Прусаковой здесь обитала другая семья. Ищу этих людей, хожу по соседям...

При первом же удобном случае едем в Архангельск. В большом здании на проспекте Ломоносова расположен Торгмортранс — торговое управление Северного морского пароходства, где работает бухгалтером троюродная сестра Марины Освальд. Спрашиваю ее у входа.

— Точеникова? Она в отпуске, будет только через месяц.

— Да тут она, тут, — кричат из соседнего кабинета, — как раз зашла на работу.

Представляюсь крупной блондинке средних лет. Начинаю рассказывать о своем исследовании.

— Понятно, — и она, открыв сумочку, достает несколько фотографий. — Вот это Марина с Освальдом в Минске. Это дядя Илья и тетя Валя. А это, может быть, знаете, убийство Освальда.

Еще бы я не знала этот снимок, обошедший газеты всего мира! Американский виртуоз-фотограф «схватил» в объектив момент убийства Ли Харви Освальда Джеком Руби. А в руках моей собеседницы этот снимок становится своего рода визитной карточкой, знаком причастности к судьбам Освальда и его жены.

Родственница и тезка моей заокеанской героини, Марина Точеникова оказалась человеком доброжелательным, разговорчивым, откровенным. И за несколько минут я узнала о Марине Освальд больше, чем за предыдущие две недели интенсивных поисков.

Покойная мать Марины Точениковой Зинаида Егоровна приходилась двоюродной сестрой Клавдии Васильевне и Илье Васильевичу Прусаковым. Свою знаменитую сестру Точеникова никогда не видела (в год отъезда Освальдов в США ей было девять лет). Более того, о причастности семьи к «убийству века» мать рассказала Марине только в семидесятые годы. Сама-то Зинаида Егоровна частенько навещала в Минск к двоюродному брату, имевшему хорошую должность то ли в Министерстве внутренних дел, то ли в КГБ, а после отъезда Освальдов даже привезла кое-какую оставшуюся от них посуду.

Меня, конечно, больше всего интересует судьба Марины Освальд: жива ли она, имеет ли связь с родственниками в России и Белоруссии. Оказывается, что Точеникова и не пыталась установить связь с троюродной сестрой. Какие-то подробности может сообщить минская родня: Марина Геннадьевна диктует мне адрес и телефон Ильи Васильевича и Валентины Гурьевны Прусаковых. Сама же она получила сведения о Марине Освальд год назад из журнала «Юность», где публиковались фрагменты книги присательницы Зои Богуславской «Американки».

— Журнал или саму книгу (она должна выйти отдельным изданием) найдете в библиотеке. А я скажу, что Марина так и живет в Далласе. Замужем за богатым фермером — сейчас ее фамилия Портер. От Освальда у нее две дочери, от второго мужа — сын.

Ну, а Клавдия Васильевна Прусакова, живя в Северодвинске, конечно, поддерживала отношения с Точениковыми?

— Тетя Клава умерла в пятидесятые годы. Поэтому ведь Марина и оказалась в Минске, что потеряла мать.

Точеникова не без труда припоминает, что из Молотовска тетя Клава уезжала с новым мужем, кажется, в Молдавию.

Про то, что тетья впоследствии жила и скончалась в Северодвинске только в восемьдесят шестом, Марине Геннадьевне ничего неизвестно.

Еще одна неувязка. Что за тайна окружает мать вдовы Освальда? Марина Точеникова подлила масла в огонь моего любопытства, подтвердив, что дядя Илья имел солидный чин то ли в МВД, то ли в КГБ Белоруссии. Естественно, начинаю проигрывать в голове версию о связях с госбезопасностью и Марины, и ее матери. Цепочка выстраивается вполне логично — племянница крупного чекиста по заданию КГБ знакомятся с Освальдом, которого затем перебрасывают вместе с женой в Америку. После убийства президента Кеннеди все заокеанские связи обрезаны, следы заматаются и в СССР. Да так, что о судьбе Клавдии Васильевны Прусаковой — теще убийцы президента — не знают и ее ближайшие родственники Точениковы, живущие в соседнем Архангельске.

Уже в ближайшее время нахожу подтверждение этому, встретившись с бывшими соседями Клавдии Васильевны по ее последнему адресу на улице К. Маркса. Две — пожилые женщины, Фея Сергеевна и Мария Васильевна, дополняя друг друга, рассказывают:

— Очень-очень скрытная была, замкнутая. Трех мужей (или сожителей, точно не знаем) имела. А с нами общалась мало, из квартиры бывало выпроваживала. И это даже тогда, когда Клаву парализовало, и она осталась совсем одна. а мы ей продукты приносили. От сына тоже все скрывала...

— Разве у Клавдии Васильевны был сын?

— Был, вернее, есть. Он слепой, живет в Пскове. Когда приезжал к матери, она ему в Северодвинск приглашение не оформляла (город-то ведь был закрытый), останавливался в Архангельске, в гостинице, там и встречались с матерью.

— А про дочь Марину она рассказывала?

— Дочь? Про дочь разговора не заходило. Не было дочери у нее. Мы, по крайней мере, о дочери не слышали.

Ну, ясно! Разумеется, Клавдия Васильевна о дочери после далласского убийства молчала. Наверняка, даже подписку в органах дала. Интересно, в каких отношениях она была с Освальдом? И вот еще сын... Если тетушки-соседки ничего не напутали, и сын реально существует, значит, он намного моложе Марины — Точеникова о нем не сказала и, может быть, даже не знает о нем, как не знает и о двух последних десятилетиях жизни Клавдии Васильевны.

Марина Геннадьевна Точеникова, троюродная сестра Марины Освальд, с сыном Янеком (в ее руке — вазочка, ранее принадлежавшая семье Освальдов). 1992 год.

Начинаю искать следы Маринино брата. В домоуправлении удалось установить предыдущий адрес Клавдии Васильевны. По 1969 год она проживала на улице Профсоюзной, 6, кв. 7, комната 3. Иду в тамошнее домоуправление и в домовую книгу нахожу записи о том, что Клавдия Васильевна поселилась на Профсоюзной в 1954 году. Вместе с ней жил сын Евгений Андреевич Долгобородов, 1949 года рождения, выбывший затем в Вологодскую область. Два или три раза в комнату временно прописывались мужчины примерно одного возраста с Клавдией Васильевной (сожители?). Есть записи о месте работы — лаборант нефтебазы, буфетчица одной из столовых Севмашпредприятия. О дочери Марине или других детях упоминаний нет.

Но когда Клавдия Васильевна вернулась в Молотовск? В домовую книгу указан предыдущий адрес: улица Советская, 25. Без труда, выясняю, что здесь находилась известная в городе гостиница «Маяк» (совсем недавно обветшавшее здание снесено). Значит, Клавдия Васильевна вернулась в Молотовск (из Молдавии или другого места) без мужа, без дочери, но с пятилетним сыном. Марина, видимо, тогда и была отвезена к дяде в Минск.

Письмо Илье Васильевичу Прусакову в столицу суверенной ныне Беларуси отправлено в день знакомства с М. Г. Точениковой. Но, конечно, надо искать и брата Марины Освальды. Может быть, это самая короткая дорога к истине. Снова обращаюсь в Северодвинский отдел загс: кто из родственников получал свидетельство о смерти Клавдии Васильевны? Ответ незамедлителен: Николай Анатольевич Беляев, проживает в Северодвинске по адресу: ул. Советская, 53. Дубликат свидетельства о смерти выслан в Псков Долгобородову Евгению Андреевичу.

Итак, еще одно подтверждение того, что сын у Клавдии Васильевны есть. А кем ей приходится Беляев? Поскольку в документах загса указан его телефон, немедленно звоню.

— Прусаковой? Не помню. Я же таких людей хороню чуть не каждую неделю, — и собеседник на том конце провода сказал, что он по должности завхоза первой городской больницы отвечает за похороны людей, у которых на момент смерти не нашлось родственников.

Обращаюсь к главному врачу горбольницы № 1 Н. В. Москееву с просьбой приоткрыть тайну смерти Прусаковой. История болезни — материал недоступный для журналистов, но Николай Валерьевич предоставил в мое распоряжение

один показательный документ. Вот такая запись была сделана при поступлении Клавдии Васильевны в больницу за два дня до смерти: «Образования не помнит, родственников не помнит, сколько лет живет в Северодвинске, не помнит, даже перенесенных болезней не помнит». Вскрытие умершей производил известный северодвинский патологоанатом кандидат медицинских наук Леонид Сергеевич Ходасевич, и в его памяти остался этот случай, так как он представлял интерес с научной точки зрения. В мозгу Прусаковой произошли необратимые изменения. Больная, находясь в неврологическом отделении, не ела, не пила, из палаты не выходила. Пригласили психиатра, но психических отклонений обнаружено не было. Клавдия Васильевна умерла от нарушения мозгового кровообращения.

Похоронили ее за счет государства. Неделю по моей просьбе работники похоронного бюро искали могилу № 25191 на городском кладбище, да так и не нашли. Наверное, и номерок со столбика на могиле давно уже сорван.

Какую тайну унесла с собой Клавдия Васильевна? Не эта ли тайна, оберегаемая от соседей и родственников, разрушила ее память в возрасте отнюдь не старческой дряхлости? Казалось, скоро я найду ответ. По адресу, полученному в загсе, посылаю письмо в Псков Евгению Андреевичу Долгобородову, одновременно приглашаю его на телефонный разговор. Дни идут, но ответа на письмо нет, на телефонные разговоры он не является.

А тут снова появляются свидетели, которые выдергивают из созданной мною стройной пирамиды краеугольный камень. В редакцию позвонили северодвинки Татьяна Васильевна Тюрина и Серафима Степановна Антонова:

— Прочитали мы в газете вашу статью о Марине Освальд. И точно можем сказать: у Клавды Прусаковой, нашей бывшей знакомой, дочери не было.

Одна из этих женщин, ныне вахтеров Дворца культуры имени Ленинского комсомола, работала вместе с Клавдией Васильевной в столовой, другая — дружила семьями. При встрече свой тезис подтверждают разными доводами:

— Вот фотография Марины Освальд из газеты. А вот Клавды Прусакова на банкете работников столовой в пятьдесят девятом году. Есть что-то общее?

Действительно, ни капли сходства. Марина — просто красавица, а женщина на коллективном снимке, которую показывают собеседницы, ничем не выделяется.

— Она и фотографироваться не любила, потому что не очень хороша была собой. Тут случайно в кадр попала. Это одно. Теперь насчет дочери. Ну чего Клавдия стала бы скрывать от нас про дочь? Ведь мы знали ее задолго до убийства Кеннеди. Если после всех событий она держала бы язык за зубами, то в те времена, когда Освальда и в помине не было, какой резон был молчать, а поболтать-то Клавдия любила... Вот сын — другое дело. Женю мы знали. Его направили учиться в школу слепых в город Грязовец Вологодской области. Он ее кончил, скоро женился и переехал в Псков.

Самой, что ли, ехать в Псков, если Евгений Андреевич не отвечает? Впрочем, у меня в руках еще одна ниточка — минские Прусаковы. Каждый вечер заказываю Минск. Ответ телефонистки один: «Номер не отвечает». Живы ли дядюшка и тетя? Может, просто живут на даче? Я и сама тем временем вышла в отпуск и готовилась ехать в деревню. Перед отъездом наудачу еще раз набираю «07». И меня через полчаса соединяют! У телефона Валентина Гурьевна Прусакова:

— Получила я ваше письмо, только ответить не успела: столько всего надо рассказать. Вы уже звонили мне и не заставали дома? Да я вечером все с кошками гуляю. Одна я теперь осталась — Илья Васильевич в феврале умер. Вот только ваш брат — журналисты — навешают, о Марине расспрашивают. О теперешней ее жизни я почти ничего не знаю. Она в Америке, мне не звонит, с шестьдесят четвертого года не пишет. Да вы приезжайте, у нас столько фотографий осталось с того времени, как Марина вышла за Освальда. Есть письма Марины, Ирины документы. Тут и друзья их живут. Все покажу, все расскажу...

— Валентина Гурьевна, а с матерью Марины вы когда последний раз виделись? Ведь она умерла в Северодвинске в восемьдесят шестом.

— Нет, нет — это ошибка. Клавдия умерла в Ленинграде, еще до того, как Алик (мы Освальда звали по-русски, Аликом) у нас появился. Марина-то почему к нам в Минск переехала? Мать умерла, а ей с отчимом тяжело было жить. Случилось это, дай Бог памяти, в пятьдесят седьмом году. Для нас с Ильей Марина была самой родной — своих-то детей у нас нет.

Получив от далекой собеседницы еще одну порцию приглашений, заканчиваю разговор. Я и сама понимаю, что ехать в Минск надо. Отпуск — побоку. На завтра оформляю в ре-

дакции командировку и покупаю билет на ближайший авиарейс Архангельск—Минск.

Похоже, одна из загадок решена: «северодвинская» Клавдия Васильевна Прусакова — это не мать Марины, а ее тезка и однофамилица. Но мне не жалко времени, затраченного на поиски. Тем более, что теперь вроде бы найден верный след.

ГЛАВА IV

«ДЯДЯ ИЗ КГБ»

В аэропорту белорусской столицы имею короткую дискуссию с водителем такси. Я ему показываю схему, где улица Франциска Скорины обозначена где-то на окраине города, а он мне доказывает, что именем этого национального просветителя назван центральный проспект, еще недавно носивший имя Ленина. Вынуждена уступить собеседнику, и он подвозит меня к огромному дому послевоенной постройки на знакомой по открыткам площади Победы.

Интерьер квартиры, в дверь которой звоню, сверившись с адресом, под стать эпохе архитектурных излишеств: тяжелые бархатные портьеры, ковры, темная мебель, давно вышедшая из моды, но добротная — круглый стол, массивный сервант, уходящие к высокому потолку книжные шкафы.

В общем, шагнув за этот порог, я как бы перенеслась из 30 лет назад, когда в этом доме бывали молодожены — Ли и Марина Освальды. Это буквально с первых слов подтверждает хозяйка квартиры Валентина Гурьевна Прусакова — несмотря на свои 65 лет, очень энергичная и исключительно гостеприимная.

Не могу обижаться на свою коммуникабельность (это для журналиста профессиональное качество), но мои отношения с хозяйкой квартиры сложились на редкость доверительно. Чем-то это напоминало мгновенно установившийся контакт с Мариной Точениковой. Видимо, прежде всего тем, что мы жили в одной системе координат, объединенные общей тайной и целью. Да, для Валентины Гурьевны при всем доскональном знании истории семьи Прусаковых тоже оставалось немало загадок относительно поступков Освальды и

судьбы Марины. Что же касается меня, то я все дни, проведенные в Минске, буквально купалась в море информации, куда как бы стекались открытые за время прежних поисков ручейки.

Скончавшийся за полгода до моего приезда Илья Васильевич — его фотография (такая же, как у Б. Н. Соколова в Северодвинске!) стоит на серванте, будто икона, — оставил после себя богатый и прекрасно систематизированный архив. Я, наверное, первый журналист, допущенный к этим семейным святыням. И вот пять дней я разбираю документы и фотографии, слушаю рассказы памятной Валентины Гурьевны. Часами крутятся кассеты диктофона, пухнут от записей блокноты.

Надо сказать, что судьбы Ильи Васильевича и Валентины Гурьевны интересны сами по себе, даже на фоне уникальной биографии Марины Освальд. Это сразу заметил, например, знаменитый американский писатель Норман Мейлер, гостивший у Валентины Гурьевны буквально за месяц до моего приезда.

— Я приехал в Минск за материалами к роману об Освальде, — сказал он хозяйке, — но здесь я понял, что надо писать роман о вашей любви.

Они познакомились в сорок пятом году, в Германии, в концлагере Оффенбах — 34-летний офицер-артиллерист Илья Прусаков и 18-летняя узница Валечка Гордеева. Впрочем, не совсем так. Приход советских войск Валентина с десятком подруг встретила свободным человеком: они сумели бежать из лагеря. Перед этим у белорусских девчат были два года подневольного труда и постоянных унижений от надзирателей. Но молодость, видно, брала свое, и расцветала красота, раз бывалый офицер, угостив шоколадом отощавшую за время скитаний девчонку, на следующий день сделал ей предложение, а 23 мая 1945 года в Берлине они зарегистрировали брак. Это требовало от Ильи Васильевича определенной смелости, поскольку отношения с заключенными фашистских лагерей и вообще людьми, попадавшими в Германию, не поощрялись, если не сказать больше. Но мужества артиллеристу, в числе первых (как об этом писала тогда «Красная звезда») форсировавшему Шпрее и награжденному за это орденом Ленина, было не занимать.

В сорок шестом Илья Васильевич демобилизовался, вернулся с женой из Германии и опять получил назначение в лагерь Молотовска, заместителем начальника по производству.

Сейчас, когда Ильи Васильевича нет в живых, уже не узнать, как он, офицер, освободивший от фашистов свою страну и Европу, воспринимал свое возвращение в атмосферу сталинских лагерей. Однако сохранилось немало документов, свидетельствовавших о том, что Илья Прусаков был в Молотовске не тюремщиком, а градостроителем и (как бы сказали сегодня) дизайнером.

«Исключительные способности по графике и художественно-архитектурному оформлению зданий, большое художественное дарование, исключительная трудоспособность». Это из характеристики, полученной инженером Прусаковым при окончании Архангельского лесотехнического института в 1936 году. А вот вырезка из областной газеты «Правда Севера» послевоенного 1948 года: «На выставке художественно-строительной промышленности прекрасное впечатление производят экспонаты художественных керамик из таласских глин инженера И. В. Прусакова. Среди этих изделий особенный интерес представляют впервые выработанные образцы облицовочных плиток. Они должны найти широкое применение в гражданском жилищном строительстве».

Из документов явствует, что Илья Васильевич был причастен к проектированию первых промышленных объектов Молотовска-Северодвинска. И память о себе оставил самую добрую. Не случайно в архиве Прусакова я обнаружила письмо многолетнего редактора «Северного рабочего», заслуженного работника культуры Российской Федерации Василия Петровича Соснина с просьбой «написать свою главу в историю города в связи с его 25-летием». Письмо было датировано февралем 1963 года. Со времени отъезда Прусакова в Минск прошло 12 лет, за которые город коренным образом изменил свой профиль, освоив выпуск атомных подводных лодок. Однако Илью Васильевича по-прежнему помнили и уважали.

И не удивительно. Ведь многие здания, построенные на беломорском берегу, по сей день служат стране, по сей день придают нашему городу неповторимый облик. «Национальной гордостью России» назвал созданный в Северодвинске центр атомного судостроения президент Б. Н. Ельцин, побывавший в городе в апреле 1992 года. Среди тех, кто стоял у истоков атомного центра, можно и нужно назвать Илью Васильевича Прусакова.

Однако, как ни был увлечен пафосом строительства молодой специалист, его не могла не угнетать утвердившаяся в

Молотовске к концу 30-х годов лагерная обстановка. В сороковом году он подает рапорт об освобождении от должности занимаемой в Ягринлаге, но получает отказ. Свободу дала только война, но и после нее система МВД опять заключила в свои объятия ценного специалиста. Так и прослужил Илья Васильевич до конца своей карьеры в исправительно-трудовых лагерях, на пенсию вышел подполковником. А о природных его наклонностях говорит сохраненное до последних дней увлечение живописью. Пейзажи кисти хозяина украшают и минскую квартиру.

После далласских выстрелов в иностранных (а теперь и в российских) средствах массовой информации стало общим повторять, что дядей Марины Прусаковой был полковник КГБ, и это обстоятельство, мол, таинственным образом способствовало выходу ее замуж за Освальда, а то и непосредственно убийству президента Кеннеди. Как видим, Прусаков был и не полковником, и не из КГБ. И вообще: практически все, что я узнала в Минске, никак не свидетельствует в пользу хоть малейшей причастности Ильи Васильевича к трагедии в Далласе. Скорее наоборот: родство с Мариной положило конец его карьере. Несмотря на стаж, фронтовую биографию и высокие награды (Илья Васильевич имел ордена Ленина, Октябрьской Революции, боевого Красного Знамени и Трудового Красного Знамени), он так и не получил третью звезду на погоны.

Илья Васильевич не любил вспоминать о минском периоде совместной жизни Марины и Освальда, практически не упоминал о Марине в разговорах. А журналистов, иностранцев, вообще всех, кто интересовался Мариной и... ее мужем (в годы перестройки таких людей было уже немало), Илья Васильевич просто не пускал на порог. Однако в его архиве я увидела целые подшивки газет, в которых были напечатаны материалы об убийстве Кеннеди и об Освальде. Книг о далласских событиях в Советском Союзе практически не издавалось, на объективность информации рассчитывать было нельзя. Но некоторые из зарубежных изданий до минских родственников Освальда все же доходили. Знакомые моряки привезли Илье Васильевичу американский журнал с материалами о втором замужестве Марины. К сожалению, Валентина Гурьевна не смогла этот журнал отыскать. А вот фрагменты из книги американской публицистки Присциллы Макмиллан «Марина и Ли» хозяйка мне показала. Их привез уже после смерти Ильи Васильевича известный канадский режиссер

В. Г. и И. В. Прусаковы. 1946 год.

Северодвинская Клавдия Васильевна Прусакова (вторая слева). 1959 год (фото из архива С. С. Антоновой).

Общий вид ул. Коммунистической (г. Минск), на которой жили Освальды.

Марина в год окончания фармацевтического училища.

ниями об архангельском детстве или теперешними условиями дяди Ильи и тети Вали. Марина кончила школу-семилетку, поступила в фармацевтическое училище.

В пятьдесят седьмом Медведевых постигло горе: в сорок лет умерла от рака горла мама Клавдия Васильевна. Для подраставшей Марины это было трагедией вдвойне: она становилась чужой в семье. Неродная бабушка пыталась сгладить конфликты между падчерицей и отчимом, но девочку с характером успокоить было нелегко. Получая паспорт в 16 лет, она неожиданно взяла себе фамилию — Прусакова. А окончив в пятьдесят девятом свое фармацевтическое училище, приняла решение — переехать в Минск. Там поначалу остановилась у тети Муси (Марии), но тетка была обременена детьми, поэтому на семейном совете решили: Марина будет жить у бездетных Ильи Васильевича и Валентины Гурьевны.

ГЛАВА VI

СВАДЬБА В МИНСКЕ

17 марта 1961 года 19-летний фармацевт одной из минских аптек Марина Прусакова отправилась на танцы во Дворец профсоюзов. Несмотря на опоздание (тетя-портниха срочно подгоняла ей по фигуре новое экстравагантное платье из красной парчи), ее ждали сразу трое кавалеров. Студенты престижных факультетов, красивые, остроумные ребята, они по очереди приглашали Марину на танец. Все шло своим чередом, пока к ней не подошел худой черноволосый парень в светлом костюме и с сильным акцентом (прибалтийским, как ей показалось), позвал на тур вальса, назвавшись Аликом.

Партнером он оказался превосходным, и с этой минуты Марина танцевала только с ним. Спутники ее были недовольны, между ними и новым поклонником Марины начинался неловкий разговор. Ситуацию разрядил один из студентов, Юра, пригласивший всю компанию к себе домой.

Юрина мать, профессор микробиологии, только что вернулась из командировки в США. Вокруг этого и вертелся разговор. И тут выяснилось, что Алик — это американец Ли Харви Освальд, приехавший в СССР помогать советскому народу строить коммунизм. Из Москвы его направили в Минск, устроили работать на радиозавод, выделили жилье — однукомнатную квартиру.

Молодежи — детям «оттепели» — все это не показалось чем-то выходящим из рамок вон. Шумно разговаривали, пили чай, а потом гурьбой отправились к Марине, тем более что дядя Илья, не очень-то поощрявший такие компании, был в командировке.

— Тетечка Валечка, вы только не волнуйтесь и будьте покультурнее. Мы американца привели.

Валентина Гурьевна варила свой фирменный кофе со сливками, угощала ребят пирожными. Расстались за полночь. У тети и племянницы, привыкших обсуждать все проблемы вместе (тем более, что их возрастной барьер был не так уж велик), много было разговоров про американца Алика. А тот как будто в воду канул — ничем о себе не напоминал. Позволил только через пару недель, причем из больницы, где ему делали операцию — вырезали железы. Жаловался на боль, на одиночество: никто не навещает. И на следующий день принаряженная Марина, взяв приготовленное тетей Валею желе из абрикосов (любимое лакомство Алика в Америке, как он сам рассказывал за кофе у Прусаковых), отправилась в больницу.

Через месяц после знакомства, 18 апреля, Алик сделал Марине предложение. Состоялось его знакомство с Ильей Васильевичем. Закрывшись в дядином кабинете, мужчины долго говорили. В общем, дядя и тетя дали согласие на брак племянницы и стали увлеченно готовиться к свадьбе. А для Марины и Ли проблемой было зарегистрировать брак: только с третьей попытки в загсе приняли их заявление. Уже 30 апреля состоялась их свадьба, продлившаяся, конечно, и 1 мая. Столы ломились от закусок, гостей было множество. Валентина Гурьевна сама шила племяннице свадебное платье, сама готовила кушанья.

Осудил ли кто тень великой трагедии, уже нависавшей над будущим только что созданной семьи? Конечно же, нет. В том числе и сам Освальд, скрывший от невесты, что он уже подавал в посольство США заявление с просьбой помочь уехать из Советского Союза.

Через несколько месяцев после далласских убийств газета «Даллас Морнинг Ньюс» опубликовала дневники Освальда, которые он вел в СССР. Марина не ставила под сомнение подлинность дневников, потому что видела, как Ли делал эти заметки. Публикация стала для нее ударом: Ли писал, что он женился на Марине, чтобы отомстить другой своей минской подруге — Элле Герман, отвергнувшей его любовь. Впрочем, назывались и другие причины женитьбы: Освальда задело то, что вокруг Марины было много интересных поклонников; произвели впечатление ее визиты в больницу; понравились гостеприимство Валентины Гурьевны и блюда американской кухни, которые она готовила специально для Ли. — тетя Валя

напомнила ему его американскую тетку. Четвертой причиной он назвал взволновавшую его сексуальную привлекательность Марины. Был ли искренен Освальд в своих дневниках? О вет он унес с собой...

А пока среди окружения Прусаковых не было человека, кто не поздравил бы Марину с удачным замужеством. Брат с единственным в Белоруссии гражданином США предвещал достаток, и небывало интересный образ жизни.

Впрочем, проницательная Марина скоро поняла, что покой ее семейная жизнь вряд ли принесет. Слишком уж неровный характер был у молодого супруга. Приветливость и ласка мгновенно сменялись приступом злости и грубости, уверенность в себе — жалобами и меланхолией. Выяснилось, что жизнь в Советском Союзе раньше представлялась ему совсем не такой. Тяготило и безденежье (хотя кроме зарплаты он получал какое-то пособие), и заводская дисциплина, да общая атмосфера — после сталинских времен люди так и не освободились от лжи, от страха, и привыкший к американской свободе Освальд не мог не почувствовать этого. Не помогало ему реализовать мечту об учебе в Университете дружбы на- родов.

Неудовлетворенность нарастала, и поэтому Алик начал говорить с Мариной о возвращении в США. Скоро у них родилась девочка... Марина советовалась с дядей и тетей, и Валентина Гурьевна дала ей благословение. А вот для Ильи Васильевича известие о предстоящем отъезде было ударом. Дядя напомнил Освальду его заверения перед свадьбой, что он и не думает об Америке. Когда выяснилось, что намерение Освальда необратимо, и Марина с ребенком тоже собирается ехать, он прекратил с супругами всякие отношения. При отъезде Освальдов из Минска в июне 1962 года дядя и тети не пошли их провожать.

Окидывая взглядом советский период жизни Марины Прусаковой, нахожу в нем не так уж много счастливых дней: безотцовщина, детство в прифронтовом Архангельске, скитания в семье отчима, ранняя смерть матери. Но полтора-два года жизни в Минске прошли по-иному. Это было беззаботное время: семейный уют у дяди и тети, отсутствие финансовых проблем (к ее услугам был теткин гардероб, а если потребуется, то и кошелек), первые романы и наконец встреча с Освальдом...

Валентина Гурьевна познакомила меня с близкой подругой Марины и ее свидетельницей на свадьбе, инженером-кон-

структором Ларисой Петровной Петрусевиц (для Марины она была Лялей Севастьяновой). Рассказ Ларисы Петровны, неплохо дополнит эту главу журналистского расследования.

— Мы жили на одной площадке, а подружились еще в детстве, когда Марина приезжала на каникулы. Девочка очень отзывчивая, добрая и разумная не по годам. Мы росли вместе, но я была еще ребенком по сравнению с ней. Очень часто ходили в театр, особенно в оперный. Это она меня втянула. Она любила классическую музыку, поэтому мы весь наш репертуар пересмотрели и переслушали. Она училась в Ленинградском техникуме, а я поступила в Минский технологический институт. После окончания техникума она переселилась к дяде Илье, и все свободное время мы проводили вместе. С Мариной было интересно беседовать — начитанная, грамотная, много знающая. Мы любили вышивать крестиком и гладью, на это очень много времени уходило. Были общие молодежные компании, отмечали Новый год вместе. Мальчишки были интеллигентные, дети минской профессуры, все юморные. Проводили время красиво и прилично: театры, кино, танцы.

С Аликом она меня сразу познакомила. Он был парнем, который отличался от всех наших ребят: ненавязчивый, неназойливый, во всем знал меру. Очень нам понравился.

Компания была большая, поэтому после женитьбы мы часто все бывали у них. Все-таки у них была квартира, пусть даже однокомнатная, но свой уголок, такой домашний мир. Им было интересно. Я в институте сдавала по иностранному положенные «тысячи», и Алик мне помогал. Сначала пытался переводить, потом предложил: «Давай разговаривать». И стал заставлять общаться на английском.

Потом родилась Джун-Марина, мы все помогали молодым и купать, и пеленать. Мамой Марина стала прекрасной, заботливой и аккуратной — в квартире все сияло от чистоты и порядка, хоть было все просто. Алик, когда уставал, мог извиниться и тут же лечь отдыхать, но всегда был приветлив. Хамом и грубым никогда не был. Человек из другого мира, он знал всегда, как с кем себя вести: с рабочими вел себя за простоты, с интеллигентами — очень культурно.

Много было жарких споров, даже о политике. Когда чем-то обидным задевали Кеннеди, Алик отвечал: «Я же вашего Кеннеди не трогаю». Он много и интересно рассказывал об американских обычаях. Свой приезд в Союз он объяснил тем, что, когда служил в Японии в морской пехоте, видел много

фильмов о строительстве коммунизма. Единственное, что позднее всегда меня смущало: он никогда не говорил, что у него есть мать, как оказалось впоследствии. Может быть, для того, чтобы избежать вопроса, почему, раз у тебя есть мать, ты приехал сюда?

Когда они уезжали, я была на практике в Бобруйске и их не провожала. Марина мне не писала, видимо, побоялась испортить мне дальнейшую жизнь. Когда они собрались уезжать в Америку, Марина поделилась сначала со мной, даже тетей, дядей, которые были для нее самыми родными, она не говорила до поры до времени. Понять Освальдов можно было, жили они трудно: Алик получал 90 рублей на заводе и 90 рублей в Красном Кресте, а Марина — 40 рублей в аптеке. Что это за деньги? А также три года Алику, до получения советского гражданства, был запрещен выезд куда-либо по стране. Он не выдержал такого запрета и уговорил Марину уехать в Америку.

Даже в самом начале их любви, когда решили подать заявление в загс, возникли препоны. Сколько загсов обошли и везде отказ, пока, наконец, они не получили специальное разрешение для регистрации брака. Свидетелем со стороны Алика был мой племянник Валентин, тогда студент-курсант Рижского летного училища. Свадьба по тем временам была богатая, шикарный стол с икрой и семгой. Праздновали в квартире тети Вали, а гостей было столько, что развалились у нас. Сияло солнце, фотографировались на набережной...

24 ноября 1963 года во время моей практики в Оренбурге мы большой компанией были буквально прикованы к телевизорам — передавали подробности убийства президента Кеннеди. И вдруг во весь экран лицо Алика, и голос за кадром: «Убил президента Ли Харви... — а я подхватила — ...Освальд». Все так странно на меня посмотрели, будто я участвовала в заговоре. Долго пришлось рассказывать, кто такой Освальд и почему я его знаю. Я убеждена и по сей день — Алик не мог быть убийцей!

Марина за год до знакомства с Ли Харви Освальдом.

И. В. Прусаков перед мицким Дворцом профсоюзом
(здесь Марина познакомилась с Ли Харви Освальдом).

Марина и Алик Освальды в день свадьбы на набережной реки Свислочь.

Лариса Петровна Петрусевич (Ляля Севастьянова, перед ней стоит пепельница, когда-то принадлежавшая Алику Освальду). 1992 год.

ГЛАВА VII ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ

Среди документов из семейного архива Прусаковых, которые предоставила в мое распоряжение с правом публикации Валентина Гурьевна, были эти несколько листков, бережно хранимых и перечитываемых тридцать лет: четыре письма и две открытки. Их прислала Марина из Америки после переезда и до выстрелов в Далласе. Затем ее связь с родственниками в Советском Союзе надолго прервалась.

Кажется, в пятидесятые или шестидесятые годы вошло в нашу литературу и публицистику понятие «человеческий документ». Имелись в виду дневники, письма, рукописные мемуары, принадлежавшие перу людей незначительных (впрочем, и знаменитых иногда) и открывавшие жизнь такой, какой она была — без казенной лжи и обмана и патетики. Из-под глыб негласия и обмана пробивались голоса правды. Эти слова — человеческий документ — с полным правом можно отнести и к письмам Марины Освальд. Они дают настолько яркое впечатление об авторе, волею судьбы поставленном в необычные условия, что другие источники — документальные или иллюстрированные — становятся ненужными. Речь идет о времени более или менее спокойном, когда Марина и догадываться не могла, в какую адскую игру вовлечен ее муж и каков конец его ожидает в скором будущем. И все-таки по тону писем, оценкам происходящих в жизни семьи событий чувствуется: Марина, несмотря на свою молодость, неопытность, неадаптированность к американским условиям, обладает колоссальным запасом душевных сил, чтобы вынести предназначенные ей судьбой испытания. Добавим еще и неординарные литературные способности автора.

Итак, слово Марине. Письма из Америки...

Первое письмо. 20 июля. 1962 года.

«Здравствуй, дорогие мои тетя Валечка и дядя Илья! Вот уже около недели, как мы приехали в Форт-Уэрт к Роберту (брат Л. Освальда — О. Г.).

Вы, наверно, уже знаете, как мы добирались. Всего в дороге, как мы выехали из Минска, были 22 дня. Конечно, очень устали. Из Москвы до Голландии ехали через Польшу и Германию. Роттердам, где были 1,5 дня, мне очень понравился. Только погода была очень-очень холодная для лета. Мы с Аликом ходили в пальто, в то время когда голландцы в платьях. Из Роттердама до Нью-Йорка кораблем. Этот корабль для туристов, там все удобства. Море совсем не чувствуешь, качки почти никакой, только один день был шторм. Аляка переносил его хуже, чем я. Его тошнило, и он ничего не ел, а у меня, как вы знаете, аппетит хороший. И даже качка на меня не действовала. Маринка чувствует себя хорошо, в дороге у нее была оспа, но она спокойно и мужественно ее перенесла. На корабле был врач. Теперь корочка уже отпала. В Нью-Йорке мы были одни сутки. Вечером я, Алик и Маринка ходили смотреть Бродвей. Он очень, очень красивый и не такой дикий и шумный, как показывают в кино. Очень много огней, магазинов и негров (я к ним еще не привыкла).

На следующий день мы самолетом за 3 часа добрались до Форт-Уэрта. Нас встретили Роберт и Вейда с детьми. Мы так устали с дороги, что вид у нас был не очень привлекательный. Роберт в жизни очень симпатичный, лучше Алика, лучше, чем на фотокарточке. Вейда же, наоборот, очень изменилась, говорят, после рождения Роберта-Джунью.

Сначала мне было очень неудобно, что я не знаю английского языка, но теперь мы довольно хорошо объясняемся, как немцы. Я уже понимаю смысл многих слов и знаю 30—35 слов. Они говорят, что я очень способная и скоро выучусь языку. Они очень простые люди. Вейда выросла на ферме. У нее есть сестра Глория, учительница. Она уже два раза приходила к нам: учит меня английскому, а я ее русскому языку.

Они все удивлены, что я тоненькая, и говорят, что я совсем не похожа на русскую в их представлении. Но они к русским относятся с большой симпатией, выписывают русские газеты и журналы. Тетя ко мне относится хорошо, все время заставляет кушать и уже накупила для меня кучу всяких банок с соками, чтобы я больше их пила, т. к. я кормлю Марину (девочка им очень нравится, они удивлены, что я ее кормлю

не из бутылки, как у них принято). Маринка (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить) поправилась здорово, не знаю, правда, отчего. Еда здесь разнообразная, но кушают как птички. Но я не голодная: открываю холодильник и беру, что нравится.

Мы будем жить у Роберта, наверное, с полгода, пока Алик сможет снять дом. Он еще не работает. Роберт говорит, что пока мы пока отдыхали. По вечерам смотрим телевизор, катаемся на машине. Уже ездили на озеро. Здесь очень жарко, я ношу в коротких штанах и белой рубашке (Вейда подарила, а еще она купила очень красивый халат). У Роберта очень просторный дом, участок и сад.

Алику обещали работу в этом месяце, думаю, как-нибудь устроимся. О нас не волнуйтесь. Как у вас там все? Пишите. Марина».

Второе письмо. 26 декабря 1962 года.

«Здравствуй, мои самые дорогие тетя Валечка и дядя Илья! Для нас огромная радость получить от вас долгожданное письмо. Дорогая моя тетя Валенька, милая моя, сидела, читала письмо, редела, как дура. Вы же знаете, что я вас очень, очень люблю, а когда получила письмо, то от радости и от такого дальнего расстояния, что нас разлучает, разревелись. Аляка тоже страшно обрадовался и даже сам еще раз перечитал письмо. Он всегда спрашивал, когда приходил с работы: есть ли от т. Вали письмо? И сразу же засадил писать ответ.

Дорогая тетя Валя! Насчет рассольничка — это, конечно, здорово. Один раз я уже варила его у моей знакомой. Было много американцев, и те даже съели по две тарелки и сказали, что и я моя тетя молодцы, он им очень понравился.

Здесь в Далласе много русских. Плохие и хорошие, разные, в общем. Мы встречаемся только с одной семьей. Они русские, но никогда не были в России, а родились в Китае. Очень симпатичные. Много путешествуют пешком. Он сам студент, скоро уедет работать на Гаити. Его зовут Жорж де Мориньяльд. Но только фамилия графская осталась, а так типичный русский мужик по натуре.

Аляка работает в большой типографии в фотографическом отделе. Он делает и печатает снимки для газет и журналов. Ему нравится химичить. Сейчас зарабатывает 230 долларов, но потом будет больше. Ему трудно было найти работу, т. к. он был в Союзе. Мы сначала жили в Форт-Уэрте, и там он работал слесарем, а затем мои знакомые русские

помогли устроиться здесь. Работа интересная и чистая. Ему уже надоело пачкаться.

Погода стоит теплая, как осенью. Снега еще нет. Вчера у них было Рождество. В городе очень-очень красиво иллюминированы улицы. А многие дома и деревья разукрашены цветными лампочками. Очень эффектно, особенно ночью. Алька купил елку, но Маринка еще ничего не понимает, что это елка. Но ей нравится смотреть на яркие игрушки. У нее много игрушек, но она больше всего любит катушки и деревянную русскую ложку. У нее уже 2 зуба, скоро ей будет год. Так быстро, даже не верится, что у меня доченька. Спокойная по-прежнему. Папа ее очень любит. Один раз мы возили ее в больницу — у нее был легкий грипп и температура. Пока врач смотрел, она плакала, и Алька вместе с ней. Я от души смеялась, а он говорит, что готов был убить доктора. Вот дурак, вы его знаете. Ко мне он относится хорошо. Иногда ругаемся — не без этого. Но я знаю, что он любит меня своей сумасшедшей любовью. Ревнует к каждому столбу, хотя повода нет, т. к. я его тоже люблю. Он хороший мальчишка, немного сумасшедший. Но я тоже не лучше. Мы пока выплачиваем долг за переезд американскому государству. К новому году выплатим, наверное. Всего было 500 долларов (это приблизительно 500 рублей). Сейчас снимаем 2-комнатную квартиру, но не очень новую. Главное, нам по карману: 68 долларов плюс электроэнергия. На питание уходит 10—12 долларов в неделю. Если бы не долг, можно было бы жить прилично.

Дорогая тетя Валя, у меня теперь многое есть, но жаль, что нет вас с дядей Ильей. Этого очень не хватает, хотя кругом только птичьего молока нет и тряпок много. У меня много платьев, но одевать некуда, все висит. Я очень, очень скучаю без вас. Думаю, что когда-либо встретимся: или вы к нам, или мы к вам приедем. Правда? Ведь в жизни всякое бывает. Алька очень часто вспоминает вас и Минск и говорит не то шутя, не то всерьез: «Поехали обратно». Я не знаю, как это понять.

Английскому учусь помаленьку. Может быть, когда поедем поближе к университету, тогда я смогу изучать язык в классе для иностранцев. Алька говорит по-русски, но уже не очень хорошо. Вечерами распевает русские песни и его любящую «Полюшко-поле».

Целуем вас крепко, наших дорогих.

Марина и Алик».

Открытка к Новому Году. Декабрь 1962 года.

«Дорогие мои тетя Валя и дядя Илья!

Не смею навязываться письмом после того, как вы мне не отвечаете. А поэтому шлю только поздравления. От чистого сердца и искренне я и Алик поздравляем вас с Новым Годом. Желаем вам здоровья, благополучия и много радостей в вашем доме, но не только в праздники, но и всегда. Вспомним нас за праздничным столом обязательно. Веселитесь от души. Целуем вас. Любящие вас Марина и Алик».

Открытка. Январь 1963 года.

«Дорогая тетя Валя!

Правда, похоже на русскую зиму? (На открытке изображен типичный русский пейзаж: зима, снег, белые березы — О. Г.). Но в Техасе такой, конечно, не бывает, да и берез нет, слишком жарко. Здесь бананы и пальмы больше. Напишите, были ли вы в Харькове? Как там все? Привет, конечно, всем тетушкам, если они его примут. За нас не волнуйтесь, все хорошо. Просто небольшие каникулы у Альки. Все, надемся, обойдется хорошо. Куда надумали ехать отдыхать? Пишут ли из Ленинграда? Я написала Танюшке, но она опять молчит. Господи, все обижается, наверное. А что плохое я им сделала? Ну, ладно, все ерунда (каждый по-своему с ума сходит — так говорят, кажется?). На этом целую, обнимаю, люблю. Марина».

Третье письмо. 27 апреля 1963 года.

«Здравствуйте, дорогие тетя Валя и дядя Илья!

Давненько получила от вас письмо, за которое очень благодарю. И страшно рада была его получить, но с ответом задержалась из-за всяких домашних забот, за что прошу извинить меня.

Сейчас я с дочкой живу у наших знакомых в Эрвинге, это близ Далласа, а Алька уехал в Новый Орлеан, где он родился. Это потому, что у него нет работы здесь и не предвидится пока, поэтому мы решили перекочевать поближе к морю. Может быть, у него на родине улыбнется что-нибудь. На два месяца деньги у нас есть, поэтому не страшно пока, за это время можно что-либо найти. Алька забрал с собой вещи, так что мне легче будет с Маринкой ехать автобусом — всего около трех часов. А вероятнее всего мы с Рут и ее мужем (Руть Нэнси — женщина, помогавшая семье Освальдов — О. Г.) поедем машиной. Рут — американка, которая изучает русский язык в университете, и рада, что я могу ей помочь разговаривать

Через две недели поедем в Новый Орлеан, а Алька уехал два дня назад, как устроится, сразу даст знать.

У нас все хорошо. Доченька растет здоровой девочкой. Мы с Алькой ее, конечно, очень любим. А Алька, как всегда, дрожит, когда она заплачет. Вы его знаете, ведь он сумасшедший! Он передает вам с дядей Ильей наилучшие пожелания и привет и строго наказал ответить вам быстрее.

У нас очень жарко, мы уже успели загореть. Смотрим телевизор. На днях передавали из Лондона брачную церемонию принцессы Александры — очень красиво и торжественно. В большом старинном соборе по древнему обычаю. Даже мурашки по коже пробежали от красоты такой.

Начинаю говорить по-английски, понимаю уже все, но нужно заниматься систематически, чего я не делаю. Мы, наконец, получаем «Огонек» и «Советскую Белоруссию», так что знаем все, что делается в Союзе и Минске. У меня есть русские книги — Алька заказывает в Нью-Йорке: Толстой, Чехов, Пушкин.

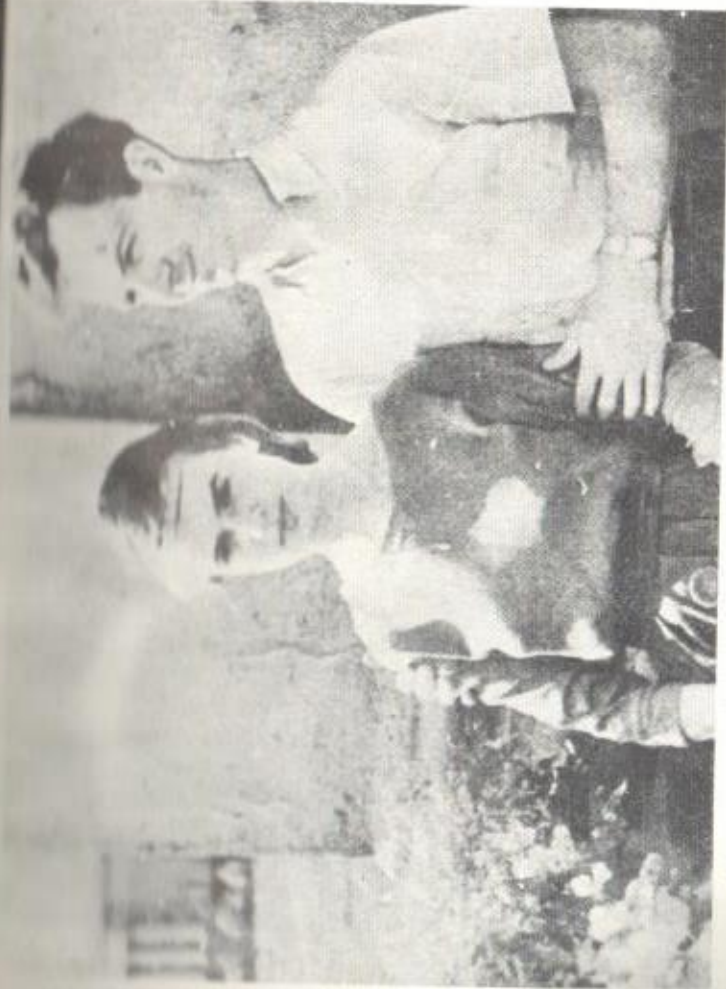
В общем, мы не унываем. Недавно была Пасха, и мы были на озере, где Алька поймал двух больших окуней по 400—500 граммов. И на обыкновенный крючок! А так раньше все была мелкота. Отдыхающих и рыбаков было много, все кинулись с удочками на то место, но больше таких рыб не было. Алька смеется, что у них удочки не те: за 20—30 долларов, а у него за 15 центов! Теперь будем ловить крабов и хорошую рыбу в Новом Орлеане — ведь там порт.

Что будет — напишу сразу, а пока шлю наилучшие пожелания и приветы. Ляля уже заканчивает институт — интересно, куда ее направят?

Целую, обнимаю, Марина».

Четвертое письмо. 18 мая 1963 года.

«Дорогие мои дядя Илья и тетя Валя, спешу вам сообщить, чтобы вы не волновались: мы всем семейством устроились уже в Новом Орлеане. Алька нашел работу себе, как в Далласе, то есть в фотографии. Ему нравится это дело, и я тоже очень довольна. Теперь он, по крайней мере, знает, чего хочет определенно, чем вначале, когда не знал, куда кинуться. Да что искать, это ведь неплохая специальность. Фотография техническая, вернее коммерческая: он не фотографирует людей. В журналах и газетах мы можем видеть его работу, и он задирает тогда нос. Очень рады, что Фортуна улыбнулась нам в его родном городе. Между прочим, могу похвастаться, что это я первая предложила поехать в Новый

Марина и Алик Освальды на балконе своего дома, г. Минск.

Арлеан. Здесь у Альки родственники, и это на худой конец лучше, чем ничего. Тетя Лилиан с мужем и пятеро их детей. Мы живем на той улице, где Алька работает, ездит троллейбусом 15—20 минут. Недалеко от нас Миссисипи — пешком минут 20, а с другой стороны огромное озеро с чудесным пляжем, ездим туда купаться. Маринку с плачем из воды вытаскиваем. Она уже топает понемножку. Очень забавная.

Город старый. Многие улицы называются по-французски. Во французском квартале очень много иностранных туристов, баров, кафе. Впервые видела, как едва прикрытые девушки, если можно назвать так прозрачную ткань, танцуют в баре. Мы с Алькой гуляли вечером там, и в открытую дверь можно много неожиданного увидеть. Хотя я и знала об этом, но все же поразила — непривычно.

Хорошо, что здесь много рыбы, которую я очень люблю. Поедем в субботу ловить крабов. Мы уже покупали угрей. Алька с ними сам священнодействует, никому не доверяет. Очень приятное занятие их готовить, чистить, а особенно — есть. Вас бы сюда! Вы бы приготовили!

А как у вас все? Алька передает огромный привет всем. А это только для вас, тетя Валечка: теперь я знаю точно, что Алька меня очень любит. Этот вывод сделала не только я, но и Рут, которая была у нас несколько дней. Она могла говорить с ним по-английски и по-русски, для нее это хорошая практика.

В общем, нам хорошо, хотя живем мы и небогато.

Крепко целую, Марина».

Р. В. Вы же знаете, как я люблю крабов, тетя Валенька. Напишите, пожалуйста, несколько рецептов, как готовить рыбу, т. е. у меня в венгерской книге почти нет. Как вы делаете фаршированную рыбу? В частности, здесь есть камбала, морской окунь, угри, осьминоги, крабы и еще много других рыб. А как делать салат из крабов?».

Последняя открытка. 14 декабря 1963 года.

«Дорогих дядю Илью и тетю Валю поздравляю с Новым Годом! Желаю от всего сердца много здоровья, счастья, бодрости.

Целую крепко, Марина».

К тому времени после убийства президента и убийства Освальда прошли три недели. О муже Марины (да и о ней самой) говорит весь мир...

ГЛАВА VIII

ДАЛЛАС, НОЯБРЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО

Несмотря на бодрую тональность Марининых писем, трудно заметить, что жизнь супругов в США не была безоблачной: переезды из города в город, поиски Освальдом работы существование на грани полного безденежья. Многочисленные источники свидетельствуют, что ситуацию в семье осложнял Освальд со своим эмоциональным, подверженным настроению характером. К тому же его неожиданные исчезновения из дома, круг знакомств, страсть к оружию делали личность Освальда поистине загадочной даже для собственной жены.

Скажем, упомянутый Мариной де Мориеншильд, который теперь установлено, был связан с разведкой, причем работал очевидно, на несколько государств (в семидесятые годы он погиб при недостаточно выясненных обстоятельствах). Был среди знакомых Освальда представители коммунистических кругов Америки, сторонники Фиделя Кастро, были и непримиримые противники последних — кубинские эмигранты.

В апреле 63-го, когда семья жила в пригороде Далласа Ирвинге (Эрвинге — так в письме Марины) у Руфи Пэйн, Ли однажды заявил жене, что он стрелял в генерала Уокера — лидера далласских консерваторов. Полиция не искала Освальда в связи с этим покушением. Однако Мориеншильд, побывав у них через три дня, с порога обратился с вопросом: «Эй, Ли, как же вышло, что ты промазал?» Вскоре Освальды уехали в Новый Орлеан, где прожили до 23 сентября, когда Руфь Пэйн забрала Марину с детьми (незадолго до этого на свет появилась Рашель) в Ирвинг. А сам Освальд совершил таинственный вояж в Мехико, что, как считают исследователи, доказывает его участие в заговоре об убийстве Кеннеди.

Вернувшись из Мексики, Освальд находит работу в Дал-

ласе, в Техасском книжном распределителе. Он снимает жилье в городе, а к семье приезжает на уик-энды. 21 ноября Ли неожиданно появился в доме Руфи, в четверг. Утром 22-го, уезжая на работу, он оставил жене все деньги и обручальное кольцо. А через несколько часов имя Освальда впервые было передано по радио как подозреваемого в покушении на жизнь президента Кеннеди.

22 ноября 1963 года около полудня в Далласе раздалось несколько выстрелов. Две пули унесли жизнь Джона Кеннеди, третья ранила губернатора штата Техас Коннелли. Сейчас с большой степенью достоверности установлено, что стреляли из разных мест. В том числе и с шестого этажа книжного распределителя, где был найден карабин Освальда. Сам Освальд в момент покушения находился в здании и сразу же покинул его. Примерно через час при попытке задержать Освальда как подозреваемого на одной из тихих улочек Далласа был убит полицейский Типпит. Официально считается: полицейского убил Освальд. Однако есть иные версии. По одной из них, именно Типпит должен был сделать то, что выпало затем на роль Джека Руби — ликвидировать ненадежного участника, каким был Ли Харви Освальд. По другой версии, Типпит был не причастен к заговору, и его убрали сообщники Освальда.

Известие о покушении на президента Кеннеди, скончавшегося от ран в Паркландской больнице Далласа, облетело весь мир в считанные минуты. очевидцы рассказывали мне, что и наше Всесоюзное радио прервало передачи, сообщив о далласских событиях с максимальной оперативностью. Наверное, миллиард жителей земного шара в меру своей осведомленности обсуждал перипетии покушения. В их числе Марина Освальд относилась к наименее информированным. Изголодавшаяся и напуганная беспрестанным упоминанием в эфире ее мужа, она из-за плохого знания английского языка не могла толком разобраться в происшедшем, а довериться другим боялась.

На следующий день полиция организовала ей встречу с Освальдом в полицейском управлении Далласа, где содержался Ли. Их разделяло толстое стекло, и они разговаривали по телефону трубки. Ли уверял жену, что его скоро выпустят, что произошла ошибка. Однако сразу Марина поняла, что ее муж каким-то образом причастен к убийству Кеннеди. Если бы он был не виновен, то вел бы себя при своем темпераменте и эгоцентризме совсем по-другому.

— Алька, помни, что я люблю тебя, — прокричала Марина на прощание.

Она покидала полицейское управление с тяжелым сердцем, но все-таки не думала, что видит Ли в последний раз. Утром 24 ноября в гараже полицейского управления перед отправкой в тюрьму Освальд был убит Джеком Руби — человеком, причастным к мафиозным кругам Техаса...

Положение Марины казалось безысходным. Одна с крошечными детьми в чужой стране. Без денег, без знания языка, без покровителей. Незадолго до этого Ли уговаривал ее вернуться в Советский Союз. Но будут ли ей рады на родине? (Заметим в скобках, что это предчувствие не обмануло Марину. Советское посольство никогда не пыталось установить с ней контакт).

С первых дней Марину взяла под опеку полиция, поселив ее с детьми на специальной квартире. И это, несомненно, было благом для нее, если учесть, что 12 важнейших свидетелей по делу о покушении на президента в течение ближайших лет были убиты или покончили жизнь самоубийством. Кроме того, на какое-то время для Марины были сняты материальные проблемы. Наконец в случае нужды кто-то мог присмотреть за ее девочками.

Много значило для Марины получить через несколько дней после убийства мужа письмо от группы студентов, которые хотели поддержать ее в трудную минуту. Ей симпатизируют, она не одинока!

Между тем разворачивала свою деятельность комиссия председателя Верховного суда США Эрла Уоррена, которой было поручено расследовать обстоятельства убийства Кеннеди. В течение нескольких месяцев Марину приглашали на допросы. Ей были заданы (через переводчика) тысячи вопросов об Освальде и почти ни одного о ней самой, о том, чем живет и на что надеется в чужой стране эта хрупкая 22-летняя женщина.

Марине не доверяли, считали ее агентом КГБ. Сам Уоррен заявил, что она много лгала комиссии. А ее тактика была проста — сказать правду и защитить доброе имя мужа.

Первая половина шестидесят четвертого года была пиком внимания журналистов к вдове Освальда. К счастью, Марине объяснили, что все эти интервью, статьи, заявки на книги и сценарии фильмов — не просто разговоры, а бизнес. Нашелся у нее и менеджер — Джеймс Мартин, с помощью которого она сумела скопить немалую, особенно по тем временам, сум-

Президент Джон Кеннеди убит 23 ноября 1963 года.

Момент убийства Ли Харви Освальда Джексом Руби.

му — 70 тысяч долларов... Этих денег хватило, чтобы купить небольшую ферму — дом и земельный участок близ Далласа. В следующем году — шестьдесят пятом — она вышла замуж за механика Кеннета Портера. Взяла его фамилию, родила от него сына Марка. Брак оказался не очень долговечным — в семьдесят четвертом супруги развелись, но, как это нередко бывает в Америке, остались жить вместе.

Крупным событием в этой размеренной жизни стала работа над книгой совместно с литератором Присциллой Макмиллан. Опытная писательница, лично знакомая с президентом Кеннеди (и, как это ни странно, с Ли Освальдом, причем знакомство произошло в Москве), прониклась симпатией к Марине. Книга в семьсот страниц под названием «Марина и Ли» писалась в течение 13 лет и получила признание среди авторов, пишущих на тему далласской трагедии. Обильно цитирует работу Присциллы Макмиллан автор первой на русском языке «идеологизированной» книги об убийстве Кеннеди и Освальда литератор-эмигрант Игорь Ефимов. Фрагменты ее поместила в своей документальной книге «Американки» московская писательница Зоя Богуславская — эта повесть по совету Марины Точениковой стала для меня на ранней стадии поиска первым письменным источником сведений о жизни Марины Освальд в Америке.

Мне удалось добыть книгу «Марина и Ли» после того, как сбор материалов для моей работы был окончен. Фундаментальное исследование американской писательницы не могло не пролить свет на многие эпизоды биографии Марины, прежде всего американского периода, дать мостики для соединения в одно целое разрозненных фактов, известных мне от родственников и знакомых Марины.

Заканчивая эту главу, я хочу еще раз обратиться к личности Марины Прусаковой-Освальд. Русская история и литература знают примеры выживания наших соотечественников в труднейших зарубежных условиях (вспомним некоторых героев Лескова). Марина Освальд волею судьбы оказалась в центре внимания всего мира, под колпаком разведывательных и судебных органов мощного государства, на перекрестке интересов прессы. И она с достоинством перенесла и многочисленные допросы, и ажиотаж средств массовой информации, и тяжелое испытание своей популярностью, носившей, что ни говори, знак минус. Заслугой было уже то, что Марина сумела выжить. Заслугой было то, что она сохранила себя как личность, вырастила детей, нашла семейное счастье, не утра-

тила памяти о Родине и оставленных ею родственниках.

Скажем спасибо и принявшей ее Америке. В случае с Мариной окружавшие ее люди (и весь американский народ, хотелось бы добавить) оказались на высоте своих демократических и гуманистических традиций. В чужой вроде бы стране, для которой Марина, хотя, безусловно, и не по своей вине, стала символом большого горя, она не стала отверженной, а наоборот, нашла защиту, покой, возможность обеспеченного существования.

ГЛАВА IX

ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА

Читатели видели, какая лавина информации обрушилась на меня в результате поездки в Минск. Однако при возвращении от Валентины Гурьевны я еще многого не знала. И в частности, адреса Марины в США. Попытки связаться с ней через двух-трех северодвинцев, ездивших в конце девяносто второго года в США, успеха не имели: землякам трудно было выполнить мою просьбу в незнакомой стране.

Но у меня в руках была путеводная ниточка, подаренная Валентиной Гурьевной: имена брата и сестры Марины, живущих в Петербурге. Может быть, у них более предметная связь с Далласом?

Поездка в Петербург состоялась в январе девяносто третьего. Сестру Татьяну искать бесполезно — скорее всего, она сменила фамилию, выйдя замуж. Поэтому прошу адресный стол выдать сведения о брате.

Обнаружить в четырехмиллионном городе человека с таким распространенным именем — Петр Александрович Медведев, да еще не зная точного года и места рождения, равнозначно поиску иголки в стогу сена. Однако повезло на добродоступных людей. В адресном столе УВД «передопатили» всех Медведевых, родившихся в сороковые годы: «Этот, кажется, вам подойдет. 1945-й год рождения, город Архангельск, адрес...». Еду на Обводный канал, взбираюсь по крутым ступенькам петербургского дома времен Достоевского, и такая девушка-соседи по коммунальной квартире любезно объясняют, что Петр Александрович, буровой мастер по специальности, находится в геологической экспедиции и будет через четыре дня. Огорчение, написанное на моем лице, выдавало не названное любопытство, соседи смилостивились.

— Вы, наверное, о Марине пришли спросить? Она была здесь в прошлом феврале.

— Как?!

— А позвоните Татьяне Александровне, это сестра Петра и Марины. Вот ее телефон, она и расскажет подробности.

Встреча с Татьяной Лукиной состоялась на следующий же день. Отодвинут в сторону ароматный, заваренный по-северному, с травами, чай, вокруг — письма, телеграммы, фотографии. Вспоминаю сейчас этот многочасовой разговор, а в памяти всплывают стихи Уолта Уитмена:

«Но теперь мне сдается, что нет напрасной любви.

Что плата здесь верная, та иль иная».

...Это было в 1978 году. Татьяна ходила по комнате, убавляя раскапризничавшегося грудного Витальку. Только малыш закрыл глазки — раздался резкий звонок. «Гена? Но у него вторая смена, и что звонит, ведь ключ есть», — с досадой на мужа открыла дверь. На пороге стоял элегантный господин, будто сошедший с лаковой обложки заграничного журнала.

— Вы есть Татьяна Александровна Медведева?

— Да, это я... Медведева — моя девичья фамилия.

— Я задам вопрос, который покажется вам странным. Как выглядело обручальное кольцо, которое вам досталось в наследство от вашей мамы?

С недоумением взглянув на странного незнакомца, Татьяна медленно ответила:

— Это была золотая печатка с черным камнем.

— В таком случае вы есть тот человек, которого я ищу. Позвольте представиться: сотрудник американского консульства в Ленинграде. Вас разыскивает ваша сестра Марина. Теперь она носит фамилию Портер — по новому мужу. Сегодня же мы отправим ей сообщение с вашим адресом.

Тайна, которая вслед за выстрелами в Далласе окутала жизнь и судьбу Марины, стала понемногу рассеиваться: после пятнадцати лет молчания Марина стала искать брата и сестру. Хитроумный способ, которым она воспользовалась в этих поисках, свидетельствовал, что жизнь приучила ее не очень-то доверять людям.

Вскоре Татьяна и ее муж Геннадий получили телеграмму: «Никогда не забуду, люблю вас, всегда ваша... Марина». А 10 октября 1978 года почта принесла долгожданное письмо из

Америки: «Я много лет очень боялась писать, чтобы не навредить вам...».

Действительно, как реагировали власти на то, что в Ленинграде живут ближайшие родственники семьи Ли Харви Освальда, которого в тысячах публикаций называли убийцей Кеннеди и агентом советской госбезопасности? Татьяна вспоминает: после отъезда Марины с Освальдом в Америку отца (Марине он приходился отчимом) вызывали в большой дом на Литейном проспекте — Ленинградское управление КГБ. Но в дальнейшем опеки секретных служб семья не чувствовала. Косвенно об этом свидетельствует такой эпизод. Муж Татьяны, Геннадий (из песни слова не выкинешь), в начале восьмидесятых попал за какое-то правонарушение в колонию. Там его стала преследовать группа уголовников. Видя, что добром дело не уладить, Геннадий припугнул обидчиков: мол, знают ли они, что его родственник ухлопал президента США? Посмейте только тронуть — международный скандал обеспечен.

Такое заявление дошло до тюремной администрации. Вызывали, расспрашивали, наводили справки. Интересовались и у Татьяны, когда она приезжала на свидание с мужем. А в результате неугомонные соседи оставили смелого новичка в покое. Впрочем, тот скоро вышел по амнистии на свободу.

К тому времени между Ленинградом и Далласом установилась не очень частая, но регулярная переписка. От Марины приходили письма, иногда посылки. «Какая ты, Танечка?» — все волновалась она. Ведь сестры расстались, когда Татьяна было 9 лет.

Кстати, ленинградский период жизни Марины оставался ранее за пределами моего расследования, а он тоже был важен для Марины. Наконец-то семья обосновалась на одном месте, да еще в крупнейшем городе. Марина училась в фармацевтическом училище. Подрастали братик и сестренка. Но Ленинград остался в памяти и трагедией — в пятьдесят седьмом умерла мама, еще такая молодая и красивая. Отношения же с отчимом (родного отца, напомним, Марина не знала) складывались сложно. Теперь, когда я близко познакомилась с семьей, возьму на себя смелость утверждать, что Александр был надежный семьянин и настоящий мужчина. Но в годы юности Марины были и ссоры, были споры по пустякам, были дерзкие придиры к недостаткам. Порой справедливые замечания вызывали бурный протест, и Марине становилось скучно и тяжело. Со смертью мамы неприязнь усилилась. Выход

нашелся — юная Марина уехала в Минск к любимому дяде Илье. Но уже скоро по ленинградскому адресу пошли большие и добрые письма отчиму и бабушке (его матери). Время стирает все плохое и шлифует воспоминания. Вот почему через десятки лет Марина написала сестре: «Только сейчас я понимаю до конца, как была счастлива мама с таким хорошим мужем, хоть он и был очень специфический человек. Они искренне любили друг друга».

О том, что Марина Портер, возможно, приезжала в Россию, я услышала в прошлогоднем октябре от корреспондента «Известий» Сергея Мостовщикова — того самого, кто первым обнародовал факт о рождении вдовы Освальда в Молодотовске. Впрочем, это только догадки, предупредил столичный коллега. Петербургские встречи позволили внести ясность.

В феврале 1992 года Марина с ворохом свертков буквально вывалилась на перрон в объятия родных из поезда «Хельсинки — Санкт-Петербург» (в Финляндию она прилетела самолетом). Вездесущей прессе об этом не было известно, а фамилия Портер никому ничего не говорила. Поселилась Марина не в гостинице, а на квартире — правда, не у родных, а у подруги прежних лет Галины Ермиловой. Сначала были радость и бурные воспоминания: «А помнишь, Танечка, как я тебе косы заплетала, а ты плакала... А помнишь, как ты Петьку доводила, забияка?».

Потом нахлынула горечь от увиденного на родине. За 30 лет разлуки Марина забыла, что магазины в России работают с перерывом на обед: «Что это такое — перерыв?». Удивили ее талоны на продукты: «Как это два килограмма мяса в месяц? А мне дадут талон, я ведь тоже человек?». Зарыдала, увидев нищенку в подземном переходе метро, и подала ей крупную купюру.

Узнав, что Таня любит бананы, но не может позволить себе покупать их из-за дорогой цены, приносила сестре, как бы извиняясь за то, что для нее это не проблема.

Она не была для родных уверенной в себе американкой, богатой родственницей. Поза на корточках у стены, вечно дымящая сигарета, немного сумбурные и нервные исповеди — такой запомнилась Марина сестре. Ей было больно говорить об Алике (так она и сейчас зовет Освальда), но и не говорить о нем Марина не могла.

Та первая встреча с ним на вечере танцев в минском Дворце профсоюзов заставила трепетать ее сердце: вот он,

Татьяна Лукина (сестра Марины) и ее муж Геннадий.
1993 год.

Татьяна, Марина и Петр в Санкт-Петербурге в день
приезда Марины. 1992 год.

Марина с подругой Галиной Ермиловой. 1992 год.

Марина в Санкт-Петербурге. 1992 год.

галантный рыцарь, которого она искала. Было ли смущение перед человеком из чужого мира?

Марина была готова идти за своим любимым на край света. И пошла: уже в следующем году уехала за океан, в Америку. Едва ли она понимала, на какой риск идет, расставаясь со своей страной, ведь характер Освальда с его вспыльчивостью и ревнивостью вряд ли сулил семейное счастье. Но того, что случилось, предугадать было никак нельзя. Пирамида рухнула, рухнула сразу и навсегда.

После трагедии в Далласе маленькая русская женщина была, казалось, обречена на безрадостное одиночество, безысходность и моральное опустошение. Что помогло ей выстоять? Наверное, гордость, достоинство и благоразумие. Марина заново училась жить. Кто уменьшил ее страдания?

Наверное, Кеннет Портер. Это он, плененный ее красотой, нашел общий язык сначала с ее маленькими дочурками, потом что Марина не хотела идти ни на какие контакты. Портер создал то эмоциональное эхо, при котором Марина вновь почувствовала себя желанной и любимой. Женитьба на Марине, кстати, лишила его работы — уволили, не объяснившись. Но это ли горе, когда рядом один за другим уходили из жизни свидетели далласской трагедии?

И, наверное, по-своему права Галина Петровна Ермилова, ленинградская подруга Марины, отказав мне как журналисту во встрече и объяснив при этом:

— Мне обидно за подругу. Ее терзает чувство жгучей несправедливости. Сто раз доказали, что Освальд не мог убить президента в одиночку, он был лишь пешкой в большой игре! Но страшное обвинение по-прежнему висит над семьей. Когда станет известна вся правда о чудовищном заговоре, когда, наконец, официально извинятся перед Мариной, тогда, может быть, и поговорим.

«Время молчать и время говорить...» Из Питера Марина Портер уезжала весной 1992 года, уезжала в разгар великих потрясений и перемен. Перестал существовать Советский Союз. Рухнула стена, разделявшая два великих государства. И все также ищут люди опору в своей семье, в родственных связях, которые помогают вынести испытания, не посильные для одного человека.

ГЛАВА X СЛЕПОЙ «САМОРОДОК»

Сюжет моего расследования быстро катился к завершению. Найдены родственники Марины, установлен ее заокеанский адрес, по которому я не преминула направить письмо. Оставался еще один след, еще одно имя — Евгений Андреевич Долгобородов, сын Клавдии Васильевны Прусаковой. Может, и он родственник Марины и тоже ищет ее или установил с ней контакт? Волновал меня и вопрос, почему Евгений Андреевич сменил фамилию, из Прусакова стал Долгобородовым. Но есть ли это свидетельство некоей тайны, все еще окружающей в моих глазах его мать?

В общем, из Петербурга еду в Псков...

Сойдя с поезда, я беспомощно озиралась по сторонам: поздний вечер, пустынно. Неужели не дошла телеграмма и меня никто не встречает? Вдруг — весело поскрипывает снег под ногами — подбегают Долгобородовы, папа с дочкой, под ручку. Знакомы мы только по письмам, но на безлюдном перроне обознаться трудно. Приветливое «добрый вечер», рукопожатия, улыбки. Направляемся к автобусной остановке мимо фасада старинного псковского вокзала, еще не потерявшего былой монументальности. Евгений Андреевич на ходу поясняет:

— Здание историческое, здесь в 1917 году Николай II отрёкся от престола, а царский поезд стоял вот там, на железнодорожных путях.

Подсадив дочь и меня в переполненный автобус, спутник продолжает:

— Жить будете в гостевой комнате областного общества слепых. Дом стоит в красивейшем месте Пскова, напротив кремля, у слияния рек Псковы и Великой. А окна выходят на

купола собора, выстроенного еще княгиней Ольгой. Сразу поужинаем — Лика вам блинчиков испекла, она мастерица!

В неосвещенном подъезде спотыкаюсь о ступеньку: «Ну и темнотища!». Долгобородов расстроено удивляется, обращая вопрос к дочери: «А что, Лика, совсем света нет? Нужно будет вкрутить лампочку!» И тут я испытываю оторопь:

— Евгений Андреевич, простите ради Бога за бестактность, но разве вы вообще ничего не видите?

Отправляясь в псковскую командировку, я, разумеется, знала, что Долгобородов — инвалид по зрению. И у вокзала, обратив внимание на полузакрытый, затянутый мутной пленкой глаз, отвела свой взгляд в сторону. Слепой! Долго не могу прийти в себя: этот уверенный и подвижный, широко улыбающийся, так располагающий к себе человек — слепой...

А Евгений Андреевич, видимо, поняв мое состояние и не давая на нем сосредоточиться, обрушивает на меня шквал вопросов о Северодвинске. (Еще в письмах он писал: «Город остался мне родным и близким, а такие названия, как Малая и Большая Кудьма, Рикасиха, Ягры, до сих пор звучат мелодией давно минувшего детства...»).

Яркие картинки сохранились в его памяти о детских годах, проведенных в Молотовске начала 50-х. Женечка ходил в садик № 4 на улице Советской. Запомнились добрые воспитатели, красивые игрушки, вкусные обеды, выезды к морю, на дюны... Но здесь и несчастье произошло: соседский мальчишка, расхулиганившись, бросил горсть мокрого песка прямо в глаза. Болели, гноились, потом стало падать зрение. В 1955 году мама отвезла Женю в вологодскую школу-интернат для слепых. Затем была ленинградская специализированная средняя школа на Охте. Окончив ее в 1966 году, уже при стопроцентной потере зрения, Женя приехал в Псков, где устроился работать на предприятие общества слепых «Эра», занимался сборкой печатных плат. В этом цехе и сейчас трудится его жена, Тамара Михайловна, слепая от рождения. А вот сам Долгобородов уже несколько лет как назначен на должность заместителя директора предприятия по социальным вопросам.

Двух дочерей вырастили (у них, слава Богу, со зрением все в порядке): старшая Лика (Анжелика) работает в детском саду, занимается акробатикой в городской студии «Циркачи», Маша — девятиклассница и параллельно заканчивает музыкальную школу. Когда девочки подросли, а было это в 1987 году, Евгений Андреевич решил поступать в педагогиче-

ский институт на заочное отделение исторического факультета. Декан долго отговаривал необычного абитуриента (первый незрячий, в институте, шутка ли), мол, придется изучать археологию, живопись — осилите ли? Вступительные экзамены сдавал на общих основаниях, разве что без шпаргалок. Сочинение по роману «Плаха» Чингиза Айтматова «писал» по точечной системе письма для слепых Луи Брайля. В приемной комиссии договорились так: «написав» сочинение брайлевскими точками, Долгобородов зачитывает его экзаменаторам вслух. Первый раз — для оценки содержания, второй раз — объясняя, где расставлены знаки препинания. Оба раза комиссия останавливала чтение почти вначале: было ясно и так, с заданием Долгобородов справился отлично. Все оставшиеся экзамены слепой абитуриент сдал тоже на пятерки.

Самое «веселое», по мнению Евгения Андреевича, время наступило чуть позже: хоть в семье и собрана большая «говорящая» библиотека (сотни магнитофонных кассет с записями художественных произведений и учебников), но нужного для учебы не хватало. Вот и усаживалась девятилетняя Маша читать вслух папе произведения Маркса и Энгельса, спорящая через строчку на разных важных терминах. С годами проблем становилось меньше: Евгений Андреевич, запомнив, где какая буква алфавита расположена, освоил пишущую машинку и начал печатать все рефераты и курсовые сам. Однако его смущает: в системе Брайля вольное отношение к заглавным буквам, как бы случайно, по инерции, не насаждать грамматических ошибок в дипломной работе! Тема дипломной работы историка непростая: «Русско-итальянские отношения в январе-июле 1914 года». Никакой литературы, кроме документов и дипломатической переписки, по этому вопросу нет, да и те находятся в архиве библиотеки им. Ленина, в Москве. Не один месяц провел там Долгобородов — 59 печатных листов дипломной работы уже готовы.

Евгений Андреевич продолжал рассказывать о себе, удивляя все больше и больше. Его жизненное правило: заставить себя забыть об увечье — никаких поблажек, снисхождений, компромиссов! В моей голове мелькали грустные фантазии: например, закрыв глаза, попробовать вслепую приготовить чай (казалось бы, что проще!), но без тренировки вряд ли сможем. Или всплывала такая знакомая многим ситуация: неожиданно в квартире гаснет свет, и мы, нервничая («Ах, ничего в темноте не видно»), суемтся в поисках свечи, натыкаясь

на мебель. А пройти по знакомой улице с завязанными глазами — ручаюсь, не получится! Евгений же Андреевич по Пскову дворами ходит. Заботы по хозяйству лежат на нем («Я же единственный мужчина в семье!»), и при ежедневных самостоятельных выходах в магазины он пользуется белой палкой — это как удлиненная рука. Заблудиться? Такого не бывало, не поддается панике нигде, а путешествовал немало с командой незрячих, принимая участие в шахматных турнирах: Курган, Кемерово, Оренбург, Крым, Краснодар, Пярну, Таллинн, Ярославль, Москва, Смоленск. Кстати, имеет звание кандидата в мастера спорта по шахматам, которое получил, соревнуясь со зрячими игроками. И на лыжах Долгобородов бежит, и легкой атлетикой занимается, и в бассейне ходит. Правда, больше любит плавать в реке Великой или Псковском озере, на берегу которого в 17 километрах от города расположена турбаза общества слепых. Еще он играет на баяне, а его жена Тамара — на гуслях в оркестре народных инструментов.

Ну, а теперь настало время сказать о его главном увлечении. Уникальный по образу жизни слепой человек имеет и уникальную для инвалида I группы профессию программиста. Весь прошлый год Евгений Андреевич провел в Москве, где на специальных курсах овладел компьютером для слепых. Нам, пожалуй, и не снилось такое: брайлевский тактильный дисплей, производства Италии, обеспечивающий восприятие на ощупь, обладающий звуковым устройством, считывающим текст с экрана, позволяет незрячему вести самостоятельный диалог с компьютером. Евгений Андреевич буквально заболел идеей приобретения этого дисплея для родного предприятия и уверен, что эта мечта, какой бы дорогой в денежных купюрах ни казалась, непременно сбудется!

— Многие беды мы нагнетаем сами, причем иные настолько преувеличивают свои трудности, что ломаются на пустяках, — закончил рассказ о себе Долгобородов.

А завтра нам предстоял еще один более короткий, но не менее откровенный разговор, ради которого я приехала в Псков.

Как оказалось, Евгений Андреевич бережно хранит свидетельство о своем рождении и материно свидетельство о браке. Его мать, Клавдия Васильевна, носила фамилию Прусакова по мужу — Алексею Прохоровичу. Сразу же возникает вопрос, почему же у сына другое отчество, да и фамилия — Долгобородов? Сам Евгений Андреевич объясняет этот факт

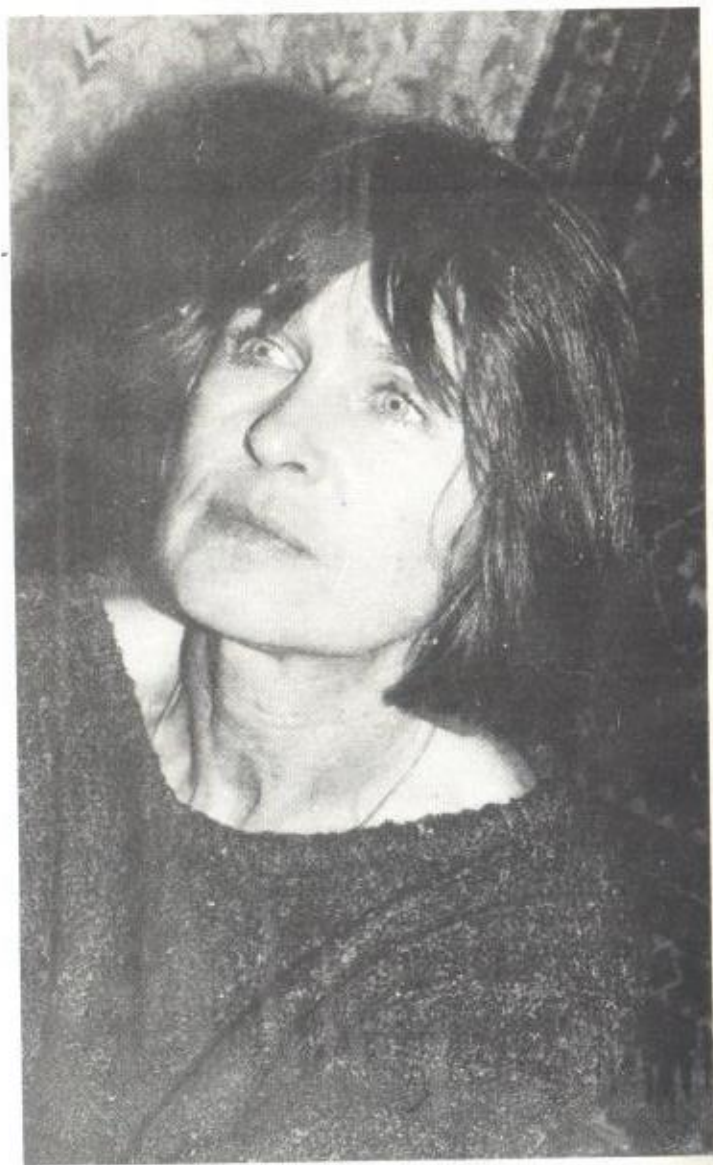
так: Алексей Прохорович работал механиком в аэропорту Васьково, и, проштрафившись в 1950 году, получил тюремный срок, да так и сгинул. Боясь преследований, Клавдия Васильевна при случае изменила отчество сыну, переписала фамилию на дедову, а заодно сменила и место жительства, переехала из поселка Первомайского (ныне Новодвинск) в Северодвинск.

Можно предположить, что Алексей Прохорович и мать Марины Прусаковой-Освальд приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой, а их деды — родные братья. Кстати, Лика, старшая дочь Долгобородова, очень напоминает Марину в юности: тот же излом бровей, овал лица. Но это лишь догадки, которые скорее всего вряд ли что-то добавят к нашей истории.

Пусть поездка в Псков не обогатила меня новыми фактами из жизни Марины Освальд. Зато я познакомилась с человеком большого мужества и интеллекта, с которым, я уверена, посчитала бы за честь находиться в родстве и сама Марина.

Евгений Андреевич Долгобородов с дочками Ликой и Машей, г. Псков, 1993 год, февраль.

Марина Освальд-Портер в Санкт-Петербурге. 1992 год.

ГЛАВА XI

ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ ЕЩЕ НЕ БЫЛО

За окном прохладный северный август. Ровно год прошел после того, как был начат поиск следов Марины Освальд в Северодвинске. Нетерпение и азарт тех первых дней сменились желанием понять и осмыслить судьбу моей героини.

«Рокуэлл, Техас, 75087» — по этому адресу я отправила в США два письма. Я писала Марине, как меня взволновали ее биография и те испытания, которые ей пришлось перенести, пригласила ее на родину, в город, где она появилась на свет. Ответа не было. Дошли ли письма? Надеяться ли мне на ответ?

После того как я узнала, что Марина была в Питере, меня не могло не задеть: почему же она не связалась с Валентиной Гурьевной? Видимо, считала я, у нее свой стиль общения с людьми. Выплеснув огромный запас эмоций при встрече с братом и сестрой, она просто не нашла душевных сил для общения с еще одним близким человеком и отложила эту встречу на будущее.

Незадолго до 8 Марта звоню Валентине Гурьевне в Минск, обдумывая на ходу, как бы потактичнее сообщить ей о приезде Марины, чтобы добрая женщина не восприняла это как обиду со стороны племянницы. А Валентина Гурьевна первая обрушивает на меня ворох своих новостей. Оказывается, Марина уже дважды звонила ей из Америки. Первый раз перед Новым годом, второй — в конце января.

— Второй раз говорили тридцать минут, услышала от нее 150 хороших слов, со слезами звала к себе.

Я, в общем-то, отнеслась к приглашению Марины как к необходимой любезности. Трудно было представить, что Валентина Гурьевна соберется в заокеанскую поездку. На кого

она хотя бы канареек и кошек своих оставит? (Надо сказать, что на довольствии у нее состоит три десятка дворовых кошек, которым она ежедневно задает обеды, — это не считая Мэри и Мурки, которые живут в квартире). И вдруг получаю письмо из Минска. Сначала благодарность за посылку с северными ягодами и рыбой, которую мне удалось послать с заочницей Белорусского университета Ириной Холохоренко — женой известного северодвинского депутата Виталия Холохоренко. «Рыбки досталось и кошечкам». А потом — главная новость: «Вы знаете, что я уезжаю к Маринке. Из Москвы улетаю 28 июня. Очень занята с отъездом, а главное — очень, очень волнуюсь. Когда вернусь, обязательно напишу и рассчитаю на встречу. Рассказать, думаю, будет о чем».

Не раз за последние месяцы приходилось бывать в Москве. Оказавшись на Тверской, захожу в «Известия» в надежде застать Сергея Мостовщикова, открывшего для меня факт рождения Марины в Молотовске. Но встретиться удалось только раз, в октябре девяносто второго. В последующие посещения Мостовщиков все в разъездах — то в Турции изучает образ жизни российских «челноков», то в воюющей Абхазии, то в Англии на международном семинаре молодых журналистов. Впрочем, тему «Освальд в Союзе», видимо, тоже не бросает. Позволив как-то ему домой, узнаю от жены Лены:

— Уехал в Минск.

Пока что он опубликовал очерк о минском периоде Марины и Освальда в российско-американской газете «Мы/We». Но и Мостовщикову, чье имя в «Известиях» на виду, непрос-то получить командировку в Америку...

Между тем американцы все чаще появляются в нашем, еще недавно наглухо закрытом даже для жителей окрестных поселков, Северодвинске. Как-то вечером в квартире психолога Натальи Чевлытко пьем чай и рассуждаем о Марине Освальде с участниками религиозной миссии из штата Оклахома.

А в один прекрасный день на наше Северное машиностроительное предприятие — гигант подводного судостроения, занесенный в этом качестве в Книгу Гиннесса, — пожаловал президент крупнейшей нефтяной корпорации «Хемко» из Техаса Нельсон Банкор Хант. О, этот человек имел определенное отношение к убийству президента Кеннеди. Он был один из тех, кто накануне приезда Кеннеди в Даллас оплатил и поместил в местной газете оскорбительный для президента материал. А его отца, тоже миллиардера, Гарольда Лафайета

Ханта Роберт Кеннеди считал одним из возможных организаторов убийства президента.

Журналистам так и не сообщили, о чем вел переговоры на Севмашпредприятии один из богатейших людей Америки. Генеральный директор нашего завода Давид Гусейнович Пашаев умеет хранить не только военные секреты, но и коммерческую тайну. Наверняка разговор шел не о далласских убийствах. Сегодня все чисто перед законом, один только Ли Харви Освальд ушел на тот свет с ярлыком убийцы президента. Хваленая американская Фемида и впрямь завязала глаза, не заметив, что убийство Кеннеди, да и убийство Освальда, были результатом разветвленного, тщательно организованного заговора.

Загадка Освальда так и не разгадана до конца. Очевидно, он не был агентом КГБ. Но кто наводил мушку его итальянского карабина на машину президента США — мафия, нефтяные магнаты или кубинские спецслужбы, жаждавшие отомстить Кеннеди за попытку покушения на Фиделя Кастро, — остается неизвестным. Впрочем, нельзя с уверенностью сказать, что Освальд вообще стрелял в Кеннеди...

А на небольшой ферме близ Далласа живет человек, который давно простил Ли Освальду и его грех за соучастие в убийстве, и причиненные им страдания, — его жена и мать его детей, русская женщина по имени Марина, уроженка города Молотовска, ныне Северодвинска.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Дом на Беломорском	5
Глава II. Из архивов Ягринлага	8
Глава III. Их было двое	12
Глава IV. Дядя из КГБ	19
Глава V. Большая семья	24
Глава VI. Свадьба в Минске	28
Глава VII. Письма из Америки	33
Глава VIII. Даллас, ноябрь шестьдесят третьего	40
Глава IX. Петербургские адреса	45
Глава X. Слепой «самородок»	50
Глава XI. Встреча, которой еще не было	55

Автор благодарит за помощь в работе Н. С. Воронову,
В. А. Лебедеву.

Редактор Н. Кочуров,

Эформление художника З. М. Дадыко,

Корректор О. Э. Коловангина,

Фото и фоторепродукции В. Бербенца, В. Капустина и
О. Голубиовой.

Сдано в произ-во 16/VIII-93 г. Печ. л. фяз. 5, 25, усл. 4, 88.

Формат бумаги 60x84¹/₁₆. Тир. 5000. Зак. 3247.

Северодвинская городская типография, ул. Южная, 5.